

The background of the entire cover is a painting of Native American warriors on horseback. In the foreground, a warrior on a white horse with a brown patch on its side is prominent. He has a red circular tattoo on his chest and a feathered headdress. Behind him, other warriors on brown horses are visible, some with large feathered headdresses. The scene is set against a backdrop of a cloudy sky and distant hills.

КАРЛ
МАЙ

*Виннету.
Сын вождя*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Олд Шеттерхэнд

Карл Май

Виннету. Сын вождя

«Азбука-Аттикус»

1893

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Май К.

Виннету. Сын вождя / К. Май — «Азбука-Аттикус»,
1893 — (Олд Шеттерхэнд)

ISBN 978-5-389-17231-9

Карл Май — автор многочисленных книг о приключениях на Диком Западе бесстрашного вестмена Олд Шеттерхэнда (Разящая Рука) и его верного друга, молодого вождя индейцев апачи Виннету. Многочисленные экранизации и переиздания этих произведений в XX веке подтвердили неувядающий интерес читателей и зрителей к этим блестящим образцам приключенческой литературы. В настоящее издание вошел первый роман о Виннету, в котором рассказывается о знакомстве Олд Шеттерхэнда и молодого индейца из племени апачи. Двум героям, не уступающим друг другу в силе, благородстве и отваге, прежде чем пережить множество опасностей и поклясться друг другу в вечной дружбе, суждено было оказаться смертельными врагами...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-17231-9

© Май К., 1893
© Азбука-Аттикус, 1893

Содержание

Вступление	6
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Карл Май

Сын вождя

© М. Ю. Курушин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

* * *

Вступление

Красный человек на грани вымирания! От Огненной Земли до североамериканских озер угасает неизлечимый пациент, подавленный неумолимой, не знающей жалости судьбой. Из последних сил противился он ей, но тщетно – его силы таяли, как весенний снег. И вот теперь это беззащитное тело, издающее слабые вздохи, во власти судорог и конвульсий, тех самых, что предвещают скорую смерть.

Виноват ли он сам в таком скоропостижном конце? Заслужил ли его?

Если верно, что все живое на Земле имеет полное право на жизнь и относиться к любому индивиду следует одинаково, значит и краснокожий обладает не меньшим, нежели белый, правом на существование, законно претендуя на эволюционное развитие в соответствии со своей индивидуальностью. Конечно, многие в наше время уверены, что у индейца нет никаких необходимых государствообразующих качеств. А верно ли это? Отвечаю: нет! Но не стану больше ничего утверждать, ибо это тема отдельного научного труда. Белый человек веками развивался вместе с природой: от охотника – к пастуху, а от пастуха – к земледельцу и промышленнику. У красного человека времени для этого не оказалось. Сама судьба не предоставила его. Индейцу пришлось совершить гигантский скачок с низшей, первой ступени, ступени охотника, на высшую, последнюю. При этом те, кто предъявляет ему сегодня невыполнимые требования, совершенно не думают о том, что он уже изначально был обречен на тяжелое падение со смертельным исходом.

Выживает сильнейший – таков жестокий закон бытия всей земной природы. Но мы все же должны понимать, что жестокость эта – всего лишь внешний атрибут. На самом деле она способствует христианскому прощению, ибо вечная мудрость, породившая этот закон, одновременно и вечная любовь. Но можем ли мы утверждать, что в отношении вымирающих индейцев совершен акт милосердия?

Индсмены встретили первых бледнолицых очень гостеприимно, поистине с божественным уважением. И что получили в ответ? У них отняли землю. Сколько при этом свершилось жестокостей и сколько пролито крови, знает каждый, кто читал историю «знаменитых» конкистадоров. Дальше – больше. Белые пришли со сладкими речами на устах, но с заточенными ножами за поясом и с заряженными ружьями в руках. Они обещали любовь и дружбу, а принесли ненависть и кровь. Краснокожие шаг за шагом вынуждены были отступать. Иногда белые на словах предоставляли краснокожим «вечное» право на их территорию, после чего снова продолжали преследование, прогоняя индейцев все дальше и дальше. При этом землю скупали за бесценок либо не платили вообще.

А потом индсмену поднесли медленно действующий яд, «огненную воду». За ней пришли оспа и другие отвратительные болезни, уничтожившие деревни и выкосившие целые племена. Когда красный человек заявлял о своих правах, ему отвечали порохом и свинцом. Он снова отступал перед превосходящими силами бледнолицых. Ожесточенный и загнанный в угол, краснокожий мстил каждому белому, повстречавшемуся на его пути. В ответ вырезались целые племена. Постепенно этот храбрый охотник, бывший когда-то гордым, правдивым, искренним и всегда верным своим друзьям, превратился в недоверчивое и лживое существо, тайно подкрадывающееся к своему врагу, чтобы нанести коварный удар. Но разве не белый виноват в этом?

Табуны диких мустангов, из которых краснокожий выбирал себе самого смелого скакуна, – где они сейчас? Где теперь увидишь бизонов, когда-то миллионами обитавших в прериях? Чем он живет сегодня, этот красный человек? Мукóй и мясом, которые ему поставляют? Да вы только посмотрите, сколько извести и других «прекрасных штучек» в этой мукé? Разве можно ее употреблять в пищу!

Как-то раз в одно из племен должны были отправить стадо скота из сотни жирных голов. По пути к месту назначения оно странным образом превратилось в пару-тройку старых, страшно исхудавших коров, от которых воротили шеи даже падалыщики-грифы. Если красный человек займется хлебопашеством, сможет ли он рассчитывать хотя бы на худой урожай, он, бесправный, которого теснят со всех сторон и которому нигде нет пристанища? А ведь каким гордым и прекрасным он был прежде, когда летал над саванной, обдуваемый гривой своего верного мустанга! И каким жалким и опустившимся выглядит он ныне в лохмотьях, не прикрывающих его наготы! Когда-то смело вступавший в схватку с серым гризли, теперь он крадется по углам, словно шелудивый пес, ворующий или выпрашивающий мелкие кусочки полу-сгнившего мяса.

Да, теперь он болен и медленно умирает. А мы жалостливо стоим над его убогим ложем, но ничего не предпринимаем, чтобы хоть что-то изменить. Стоять у смертного одра – дело не из легких, но стократно ужаснее, когда это ложе целого народа. Множество вопросов мучает меня. И прежде всего – что произошло бы с индейцами, получи они достаточно пространства и времени для физического и духовного развития? И какую особую форму культуры потеряет человечество вследствие их гибели? Пусть этот умирающий не смог приспособиться, но неужели из-за своей самобытности ему грозит полное вымирание и нет никакой надежды на спасение? Даже бизонам нашлось место в Национальных парках Монтаны и Вайоминга, иначе они вымерли бы окончательно. Так почему же бывшим законным хозяевам земли нет места, где они смогли бы жить и духовно расти?

Впрочем, какая польза от таких вопросов на пороге неотвратимой гибели! Чем помогут упреки и стенания, когда вообще уже ничто не может помочь! И я не могу ничего изменить. Могу лишь скорбеть, но ведь мертвых не воскресить. Я... А почему, собственно, я? Только потому, что давно и хорошо знаю краснокожих, среди которых есть один, живущий в моем сердце и памяти чистым светом. Он, лучший из лучших и самый верный из всех моих друзей, всегда готовый на жертву, был подлинным представителем своей расы. И так же, как и эта раса, погасший от смертельной пули врага. Я любил его, как никого на свете. Я и сегодня продолжаю любить этот умирающий народ, чьим благороднейшим сыном он был. Не раздумывая, я пошел бы на смерть, чтобы только сохранить его жизнь. Ту жизнь, которой он сотни раз рисковал ради меня. Однако этого не случилось – он ушел, спасая своего друга. Но умер он лишь телесно. Здесь, на этих страницах, он продолжает жить, как живет он вечно в моей душе. Он – Виннету, великий вождь апачей! Его памяти я посвящаю эту книгу. И если читатель сумеет почерпнуть из нее правду о народе, чьим истинным вождем он был, я буду вознагражден.

Автор

Глава первая

Гринхорн

Знаешь ли ты, дорогой читатель, что означает слово «гринхорн»? Это кличка, обидная и презрительная. «Грин» – по-английски «зеленый», а «хорн» можно перевести как «щупальце». Стало быть, гринхорн – незрелый, зеленый, лишенный всякого опыта юнец, впервые попавший в чужую страну и потому вынужденный очень осторожно выпускать свои щупальца, чтобы не попасть впросак¹.

Гринхорн – из тех, кто не уступит стула леди; он первым протянет руку хозяину, прежде чем раскланяться с миссис или мисс; а заряжая ружье, он не тем концом вложит патрон или забьет в ствол пыж, затем пулю и только потом насыплет порошу. Гринхорн либо совсем не говорит по-английски, либо изъясняется чересчур правильно и изысканно; на него наводят ужас и язык янки, и выражения невежд. Гринхорн примет енота за опоссума, а хорошенькую мулатку² не отличит от квартеронки³. Он дымит сигареткой и презирает господ, жующих табак. Получив оплеуху от какого-нибудь Пэдди – то бишь ирландца, – гринхорн мчится жаловаться мировому судье, вместо того чтобы, как настоящий янки, пристрелить обидчика на месте. Следы дикого индюка он примет за медвежьи, а узкую спортивную яхту – за пароход с Миссисипи. Ему претит положить свои грязные ноги на колени попутчика и хлебать суп, фыркая как издыхающий бизон. Чистоплотности ради он тащит с собой в прерию губку размером с гигантскую тыкву, не забывает и о десяти фунтах мыла, а в карман засовывает компас, стрелка которого уже на третий день пути показывает куда угодно, но только не на север. Гринхорн старательно запишет восемьсот индейских выражений, но при первой же встрече с краснокожими окажется, что все записи он давно отправил домой в последнем конверте, вот только само письмо конечно же осталось при нем. Прикупив порошу и решив выстрелить, гринхорн вдруг замечает, что ему подсунули толченный древесный уголь. Лет десять он штудировал астрономию, но сколько бы ни пялился в звездное небо, так и не может определить, который сейчас час. Гринхорн обязательно заткнет нож Боуи⁴ за пояс так, что при любом движении клинок впивается ему в бедро. На Диком Западе он палит такие костры, что огонь взмывает к верхушкам деревьев, и еще бесконечно удивляется, когда индейцы обнаруживают и обстреливают его убежище. Короче, гринхорн – он и есть гринхорн. И я сам когда-то был таким же незрелым ротозеем.

Только не думайте, будто мне приходило в голову хоть как-то подозревать об отношении ко мне этой презрительной клички. О нет! Отличительная черта всякого гринхорна как раз и состоит в том, что он готов кого угодно считать зеленым юнцом, но только не самого себя. Напротив, мне казалось, что я весьма мудр и даже опытен. Ведь я получил высшее образование и не боялся никаких экзаменов. Своим юношеским разумом я не мог постичь тогда, что истинной школой является сама жизнь, ежедневно и ежечасно подвергающая учеников суровым испытаниям. Весьма плачевные события на родине и, признаюсь, врожденная жажда деятельности заставили меня перебраться через океан в Соединенные Штаты, где в то время молодому, напористому субъекту гораздо легче было добиться успеха, нежели теперь. Я мог

---

¹ Карл Май дает собственное толкование понятия «гринхорн», которым на американском сленге величали новичков и иммигрантов. В среде ковбоев так часто называли учеников или помощников, которые не умеют арканить скот с помощью лассо. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² *Мулат* (исп. mulato) – потомок от смешанного брака белых и негров.

³ *Квартерон* (исп. quarteron) – человек, один из предков которого в третьем поколении был негром.

⁴ *Нож Боуи* – тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой и лезвием от 22 до 37 см. Изобретение полковника Джеймса Боуи, одного из погибших героев битвы за форт Аламо (1836), когда горстка техасцев пыталась отразить нападение многочисленного отряда мексиканцев.

бы недурно устроиться в восточных штатах, но меня тянуло на Запад. Занимаясь то тем, то этим, я вскоре кое-что подзаработал и, прихватив все необходимое, полный радостных надежд, добрался до Сент-Луиса. Там судьба привела меня в немецкую семью, предложившую мне приют и место домашнего учителя. В тот дом часто заходил некий мистер Генри, оружейник и большой чудак, отдававшийся своему ремеслу с пылом истого художника и с унаследованной от предков гордостью, называвший себя «мистером Генри, ружейных дел мастером».

Человек он был добрейший, хотя внешность и поведение производили прямо противоположное впечатление, ибо он не знал почти ни с кем, кроме упомянутой семьи. И даже со своими клиентами обращался столь неприветливо, что те продолжали ходить к нему только из-за отличного качества его товара.

Жену и детей он потерял в результате какого-то ужасного события. Мистер Генри никогда об этом не рассказывал, но по некоторым его словам я догадался, что его родные стали жертвой кровавого нападения. В этом горе, вероятно, истоки его вечной суровости и нелюдимости. Сам он, скорее всего, просто не замечал резкости своих манер, в душе оставаясь добрым и мягким. Не раз я видел, как у него на глазах выступали слезы во время моих рассказов о родине и соотечественниках, с которыми я всегда был и до сих пор остаюсь связан всей душой.

Почему старик проявил симпатию именно ко мне, чужаку, я долго не мог понять, пока он сам мне не объяснил. С тех пор как я появился в этой немецкой семье, он стал заходить туда чаще и нередко присутствовал на наших занятиях, по окончании которых мне приходилось уделять ему свободное время. В конце концов он пригласил меня к себе, но я не торопился воспользоваться приглашением, поскольку не хотел злоупотреблять гостеприимством такого человека. Как сейчас помню гневное выражение его лица, когда однажды вечером все же зашел к нему, и тон, которым он меня встретил, не ответив на мое приветствие.

– Куда это вы вчера запропастились, сэр?

– Дома был.

– А позавчера?

– Тоже.

– Что за ерунда?

– Я говорю правду, мистер Генри.

– Хо! Желторотики вроде вас недолго прячутся в гнездышке. Они всюду суят свой нос, но только не туда, куда надо!

– И куда же мне надо было его сунуть, позвольте спросить?

– Сюда, ко мне, понятно? Я давно уже собирался задать вам пару вопросов.

– Так почему не задали?

– Потому, что не хотел.

– А когда захотите?

– Может, сегодня.

– Так спрашивайте смелее! – нетерпеливо произнес я, усаживаясь на верстак, у которого он работал.

Мистер Генри удивленно посмотрел на меня, с сомнением покачал головой и ответил:

– «Смелее»? Может, мне и в самом деле спросить разрешения у такого гринхорна?!

Чувствуя себя оскорбленным, я наморщил лоб.

– Будем считать, мистер Генри, что это слово сорвалось у вас с языка случайно!

– Да что вы себе воображаете, сэр? Говорил я вполне обдуманно. Вы – настоящий гринхорн да еще какой! Содержание прочитанных книг вы, похоже, действительно крепко усвоили. Не перестаю удивляться, сколько всего вы на родине сумели изучить! Молодой человек точно знает, как далеки от нас звезды, что там писал на камнях Навуходоносор⁵ и сколько весит

---

⁵ *Навуходоносор* – царь Вавилонии (605–562 гг. до н. э.), возглавлявший военные походы в Сирию, Палестину и Финикию,

невидимый нами воздух! Зная все это, он воображает, что шибко умен! Но понюхайте жизни, лет эдак с полсотни, только тогда – и то не наверняка – вы постигнете истинную мудрость! Все ваши знания до сего момента, в сущности, просто ничто. А то, на что вы способны, – еще меньше! Вы даже стрелять-то не умеете!

Сказал это он в высшей степени презрительным тоном, да еще с такой уверенностью, будто успел уже убедиться в этом.

– Не умею стрелять? Хм... – ответил я не без улыбки. – Это и есть тот вопрос, что вы хотели мне задать?

– Именно! Отвечайте же!

– Дайте мне хорошее ружье, и все увидите сами.

Тут он нехотя отложил в сторону ружейный ствол, в котором делал нарезы, затем поднялся, подошел ближе, смерил меня удивленным взглядом и воскликнул:

– Дать ружье? Да ни за что на свете! Мои ружья попадают в руки только тем, кому я могу доверить свою честь.

– Мои руки как раз подойдут, – возразил я.

Он снова взглянул на меня, в этот раз искоса, потом сел на прежнее место и принялся снова колдовать над ружьем, бурча под нос: «Вот так гринхорн! Его дерзость выведет меня из себя!»

Спорить я не стал, а вытащил сигару и закурил. Около четверти часа мы просто молчали, но дольше мистер Генри не выдержал. Он поднял ружейный ствол против света, внимательно поглядел в него и при этом заметил:

– Стрелять определенно труднее, нежели звезды считать или читать древние надписи, не так ли? Вы когда-нибудь держали ружье в руках?

– Думаю, да.

– А курок спускали?

– Конечно.

– И попадали?

– Еще бы!

Оружейник опустил ствол, снова смерил меня недоверчивым взглядом и спросил:

– Попадать – попадали, но куда?

– В цель, понятно.

– Черт возьми, сэр! Ну и болтун! Да вам и в стену не попасть, будь она хоть двадцать локтей в высоту и пятьдесят в длину! И вы нагло утверждаете совершенно невозможное с таким серьезным, внушающим доверие лицом, что я могу не сдержаться! Я же не мальчишка, которому вы даете уроки! Понятно? И этот гринхорн, книжный червь, вдруг утверждает, что умеет стрелять! Всю жизнь рыться в турецких, арабских и других невесть каких древних книгах – когда же у вас было время стрелять? А ну, снимите со стены вот этот старый флинт⁶ и попробуйте-ка взять что-нибудь на мушку. Из него велят медведя – лучшего ружья не найти.

Я уверенно взял в руки ружье и прицелился.

– Эй! – воскликнул мистер Генри, вскочив с места. – Не так! Вы обращаетесь с ним как с тросточкой, а ведь это самое тяжелое ружье из тех, что я знаю. Неужели вы и впрямь обладаете такой силой?

Вместо ответа я, схватив его за полу куртки и ремень, легко приподнял вверх.

– Дьявольщина! – заголосил он. – Пустите меня! Вы сильнее моего Билла!

– Вашего Билла? Кто это?

разрушитель Иудейского царства. Во время его правления сооружены знаменитые Вавилонская башня и висячие сады Семирамиды, а древняя вавилонская культура достигла своего наивысшего развития.

⁶ *Флинт* (нем. die Flinte) – тяжелое, гладкоствольное охотничье ружье, заряжавшееся с дула; было основным боевым видом оружия пехоты европейских армий еще с XVII в.

– Это мой сын, но он... оставим это! В общем, он погиб вместе со всеми... Какой толковый парень вышел бы из него! Вы с ним одного роста, да и фигуры ваши похожи, у вас почти такие же глаза и даже форма рта... впрочем, это вас не касается...

Глубокая печаль всей жизни отразилась вдруг на лице оружейника. Он провел по лбу рукой, словно желая отогнать горе прочь, потом продолжил чуть бодрее:

– Очень жаль, сэр, что при такой физической силе вы корпите только над книгами. Вам следовало бы заняться тренировками!

– А я занимаюсь.

– Боксом?

– Нет, у нас он мало известен. А вот гимнастикой и борьбой...

– А верховой ездой?

– Тоже.

– А фехтованием?

– Даже уроки давал.

– Эй, а не болтаете ли вы?

– Снова проверить хотите?

– Спасибо, хватит! Вообще-то, мне пора работать. Присаживайтесь!

Он вернулся к верстаку, а я последовал его приглашению. Дальнейший разговор оказался весьма односложным, поскольку мысли мистера Генри были заняты чем-то более важным. Внезапно он прекратил работу и спросил:

– А математикой вы занимались?

– Мой любимый предмет.

– Арифметика, геометрия?

– Разумеется.

– А может, и с топографией дружите?

– Дружу. Не раз колесил по окрестностям просто так с теодолитом⁷ в руках.

– Вы действительно сумеете провести топографическую съемку?

– Да. Я делал и горизонтальный, и вертикальный план местности, хотя и не берусь утверждать, что мои познания в геодезии достигают профессионального уровня.

– Все это очень похвально!

– Но почему вы об этом спрашиваете, мистер Генри?

– Есть на то причина. Еще узнаете, понятно? Сперва я должен узнать – хм, да, – как у вас со стрельбой.

– Так испытайте меня.

– Обязательно. Не сомневайтесь! Когда у вас занятия?

– В восемь утра.

– Хорошо, приходите в шесть ко мне. Пойдем на стрельбище, где я пристреливаю свои ружья.

– В такую рань?

– Не хочу больше ждать, ибо горю желанием доказать, что вы – настоящий гринхорн. Ну хватит об этом. У меня есть другие дела, поважнее ваших!

Ствол ружья, похоже, уже был готов, и мистер Генри вынул из шкафчика многогранный металлический брусок, после чего начал напильником ровнять его углы. Тут я заметил, что на каждой грани бруска имелись отверстия.

Он так сосредоточился на работе, что, похоже, забыл о моем присутствии. Его глаза блеснули, и, когда он время от времени прерывался, чтобы полюбоваться собственным произведе-

---

⁷ Теодолит – геодезический инструмент для измерения на местности горизонтальных и вертикальных углов.

нием, лицо его светилось истинным счастьем. Сомнений не было: эта металлическая болванка представляла для него большую ценность. Удержаться я не смог и спросил:

- Неужели из этого получится какая-нибудь часть ружья, мистер Генри?
- Конечно, – ответил он, словно только что вспомнил о моем присутствии.
- Но я не знаю ни одной системы оружия с такой составной частью.
- Охотно верю. Система еще только рождается – это будет новое ружье Генри.
- Вот как! Стало быть, изобретение?
- Да.
- Тогда простите мое нетерпение, это ведь пока тайна?

Он еще долго смотрел в каждое отверстие, вертел болванку во все стороны, несколько раз прикладывал ее к задней части только что приготовленного ствола, после чего наконец ответил:

– Да, это тайна. Но вам я ее доверю, потому что вы – хоть и гринхорн до мозга костей! – умеете молчать, если надо. Я вам скажу, что из этого получится: штуцер с двадцатью пятью зарядами.

- Не может быть!
- Спокойно! Я не так глуп, чтобы браться за что-либо невозможное.
- Но тогда где же ваш патронник на двадцать пять патронов?
- Все есть.
- Кажется, штуковина получится довольно большая и громоздкая...
- Хо! Всего лишь один барабан, зато весьма удобный. Он совершенно не мешает. Эта болванка и есть будущий патронный барабан.

– Хм... Я, конечно, слабо разбираюсь в вашем искусстве, но как насчет температуры? Не будет ли перегрева ствола?

– Ни в коем случае! Материал и способ изготовления – мой секрет. Впрочем, зачем выпускать подряд все двадцать пять пуль?!

- Это точно.
- То-то! Из металлической болванки получится отличный барабан. После каждого выстрела барабан вращается и досылает следующий патрон в патронник. Много лет я носился с этой идеей, но ничего путного сделать не удавалось. Теперь, кажется, дело пойдет на лад. У меня уже есть доброе имя, но вскоре обо мне узнают сотни других людей. И я, может быть, заработаю много денег.

– А заодно – и нечистую совесть.

Мистер Генри удивленно взглянул на меня.

- Полагаете, убийца может иметь чистую совесть? – продолжил я, не дав ему опомниться.
- Бог мой! Хотите сказать, что я убийца?
- Пока нет, но...
- Могу им стать, так?
- Да, содействие убийству – не менее тяжкое преступление.
- Придержите язык! Никакому убийству я потакать не собираюсь! Что вы несете?
- Речь идет даже не об одном убийстве, а о настоящей бойне.
- Что? Не понимаю, о чем вы?

– Если всякий сможет купить ваше опасное оружие, вы очень быстро распродадите несколько тысяч таких штуцеров. Ими будут истреблять бизонов, а заодно и всякую дичь, которой и так не хватает индсменам. Сотни и тысячи охотников вооружатся вашими ружьями и ринутся на Запад. Начнется бойня – людская и звериная кровь польется ручьями, и скоро ни одной живой души не будет ни по ту, ни по эту сторону Скалистых гор!

- Черт возьми! – гаркнул он в ответ. – Вы что, в самом деле только что из Германии?
- Да.

– И раньше никогда не были здесь, на Диком Западе?

– Нет.

– Значит, вы – самый настоящий гринхорн, пускающий пыль в глаза, будто он предок всех индейцев и живет здесь тысячу лет! Хотите подшутить надо мной? Даже если бы все было так, как вы утверждаете, мне никогда и в голову не пришло бы открывать оружейный завод для производства ружей. Я живу один, таковым и останусь. У меня нет ни малейшего желания искать постоянные проблемы с сотней-другой рабочих!

– Вы можете получить патент на ваше изобретение и продать его.

– Зачем, сэр? До сих пор мне всего хватало. Надеюсь, что и впредь проживу без патента. А теперь уходите – вам пора домой. У меня нет никакой охоты слушать писк птенца, который еще не оперился, а уже пытается петть и свистеть.

Обижаться на его неучтивость я не собирался – такая уж у него была натура. Но я был уверен, что он желает мне добра и хочет помочь в меру своих сил и возможностей. Протянув на прощанье руку, которую он стиснул и от души потряс, я ушел.

Конечно, тогда я и не предполагал, сколь важное значение будет иметь для меня тот вечер, тот тяжелый «медведебой», названный мистером Генри «старым флинт», и конечно же штуцер Генри, которому суждено сыграть в моей жизни важнейшую роль. Я с нетерпением и радостью ожидал утра, поскольку, имея в стрельбе некоторый опыт, был совершенно уверен, что удачно выдержу испытание у своего нового странного знакомого.

Ровно в шесть часов я вошел в его дом. Мистер Генри уже ждал меня, и, когда протянул мне руку, на его добром, но грубоватом лице скользнуло некое подобие улыбки.

– Прошу вас, сэр! Кажется, вы уверены в победе и думаете, что не промажете в стену, о которой мы вчера говорили?

– Надеюсь.

– Ладно, тогда идемте прямо сейчас! Я возьму вот это ружьишко, а вы понесете «медведебой». Я не хочу тащить такую махину.

Он забросил на плечо легкую двустволку, а я взял флинт. Когда мы пришли на стрельбище, он сразу зарядил оба ружья и сначала дважды выстрелил сам. Я понял, что наступила моя очередь, и молча осмотрел тяжелую двустволку. С таким типом ружья я еще не встречался и потому первым выстрелом задел лишь черный круг мишени. Второй выстрел оказался более удачным, а в третий раз я попал в самый центр мишени, после чего остальные пули прошли через ту же самую дыру, сделав ее чуть шире. Удивление мистера Генри росло с каждым выстрелом. Мне пришлось испытать и его ружьишко – результаты были те же.

– Либо в вас сидит сам дьявол, либо вы прирожденный вестмен⁸, сэр. До сих пор не видел ни одного гринхорна, умеющего так стрелять!

– Какой уж тут дьявол, мистер Генри! – рассмеялся я. – Я душу свою никому не продам!

– Тогда вы просто обязаны стать вестменом! Есть желание?

– Почему бы и нет?

– Ладно, посмотрим! Поглядим, что можно сделать из гринхорна! Верхом ездить умеете?

– Если понадобится.

– Если понадобится? Что, хуже, чем стреляете?

– Не думаю. Самое трудное – сесть в седло. Но если мне это удастся, ни один конь не сможет меня сбросить!

Он пристально взглянул на меня, словно проверял, болтаю я или нет. Я же изо всех сил старался казаться равнодушным, будто ни о чем не догадывался. Тут он спросил:

---

⁸ *Вестмен* (англ. westman) – «человек Запада», смелый, находчивый, хорошо знакомый с обычаями и нравами Дикого Запада – одним словом, предприимчивый американец.

– Вы так думаете? Полагаете, надо держаться за гриву? Ошибаетесь! Вы верно сказали, что самое трудное – забраться на лошадь. Действительно, это зависит только от вас. А вот спуститься на землю легче – об этом уж конь позаботится, будьте уверены, хе-хе!

– Тяжело ему будет со мной.

– Что ж, поглядим! Попробуете?

– С удовольствием.

– Тогда идемте! Сейчас только семь, у вас еще целый час времени. Мы зайдем к торговцу лошадьми Джиму Корнеру. У него есть чалый жеребец, он-то уж постарается!

Возвратившись в город, мы разыскали торговца – владельца большого манежа, окруженного конюшнями. Корнер сам вышел к нам и спросил о цели нашего прихода.

– Этот парень утверждает, что его не сбросит ни одна лошадь, – ответил мистер Генри. – Что скажете, мистер Корнер? Может, дадите ему влезть на вашего чалого?

Торговец окинул меня испытующим взглядом и кивнул в знак согласия.

– Костяк у него, похоже, что надо... Впрочем, молодежь не так легко сворачивает себе шею, как старики. Если этот джентльмен жаждет испытать чалого – я не имею ничего против.

Он распорядился, и вскоре два конюха вывели оседланного жеребца. Тот вел себя очень беспокойно, то и дело старался вырваться. Старый мистер Генри, видно, испугался, поскольку попросил меня отказаться от испытания, но я, во-первых, не чувствовал никакого страха, и, во-вторых, для меня это был вопрос чести. Мне дали хлыст и пристегнули шпоры. После нескольких тщетных попыток, несмотря на яростное сопротивление жеребца, я все же вскочил на него. Едва я оказался верхом, конюхов как ветром сдуло, а скакун, встав на дыбы, буквально взлетел в небеса. А потом – в сторону...

Не помню, как я удержался в седле, но теперь спешил вдеть ноги в стремя. Мне это удалось, однако жеребец начал лягаться, нагибая голову. Ему это не помогло, тогда он прижался к стене, чтобы сбросить меня, но хлыстом я отогнал буяна прочь. И тут между ним и мной началась тяжелая и опасная борьба. Я призвал на помощь всю свою сноровку и весьма скромный опыт, напряг последние силы и в конце концов одолел животное. Когда я слез с коня, ноги мои дрожали от напряжения, а у взмыленного жеребца пот катил градом. Теперь он слушался малейшего движения узды.

Торговец не на шутку струхнул – он велел накрыть коня покрывалом и медленно водить по кругу. Затем обратился ко мне:

– М-да, не ожидал, молодой человек, не ожидал! Я думал, вы уже после первого скачка грохнетесь оземь. Конечно, никаких денег от вас я не возьму. Если хотите доставить мне удовольствие, приходите еще раз и образумьте до конца эту бестию. Речь тут идет не о десяти долларах – лошадь дорогая, и если ее обуздать, то на ней можно неплохо заработать.

– Если вы согласны, то и мне это доставит удовольствие, – ответил я.

До сих пор мистер Генри не проронил ни слова и только смотрел на меня, качая головой. В конце концов он хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Что за удивительный гринхорн! Чуть не до смерти заморил лошадь, а себя сбросить не дал! Кто вас этому обучил, сэр?

– Случай, благодаря которому мне подвернулся полудикий венгерский степной жеребец. Он никому не позволял забраться к нему на спину. Я все же его обуздал, хотя чуть не распрощался с жизнью.

– Нет уж, извольте! По мне, так лучше старый, мягкий стул, который не станет взбрыкивать, когда на него сядешь! Идемте! А то у меня даже голова закружилась. Но все это не зря – будьте спокойны! Мне нужно было знать, как вы стреляете и ездите верхом.

Мы разошлись по домам. В течение двух следующих дней мистер Генри не заходил к нам, и я также не имел возможности его навестить. Только на четвертый день он зашел ко мне после обеда – знал, что я был свободен.

- Хотите прогуляться? – спросил он.
- Куда?
- К одному джентльмену. Он жаждет с вами познакомиться.
- По какому случаю?
- Нетрудно догадаться: он никогда еще не видел ни одного гринхорна!
- Тогда пошли.

Мистер Генри лукаво улыбался – наверняка приготовил мне очередной сюрприз. Мы долго шли по каким-то улочкам, пока наконец он не втолкнул меня в некую контору. Он и сам ворвался туда как метеор, и я даже не успел прочитать золоченые буквы, красовавшиеся на огромных стеклах входной двери. Все же мне показалось, что там промелькнули слова «офис» и «геодезия». Вскоре выяснилось, что я не ошибся.

В конторе сидели трое мужчин, которые встретили мистера Генри очень вежливо и радушно, а меня – с нескрываемым любопытством. На столе были разложены карты, планы и среди них всевозможные измерительные инструменты. Мы находились в геодезическом бюро.

Цель нашего прибытия мне была совершенно непонятна. Мистер Генри не делал заказов, не наводил справок, – казалось, он пришел только ради беседы со своими друзьями. Скоро она приняла оживленный характер, и мы совершенно незаметно заговорили об окружающих предметах. Меня это порадовало, ибо и я мог принять участие в разговоре, касавшемся теперь тем, мне более знакомых, нежели просто местные проблемы.

Похоже, мистера Генри сильно увлекла геодезия – он хотел знать о ней все. Он и меня увлек, да так, что мне в конце концов пришлось только отвечать на вопросы, объяснять применение всевозможных инструментов и описывать, как чертят карты и планы. Тогда я действительно был настоящим гринхорном, поскольку вовсе не догадывался о намерениях мистера Генри. Рассказывая о сущности и различиях координатных, полярных и диагональных методов, о периметрической триангуляции⁹, я заметил, что мистер Генри тайком переглядывается с остальными присутствующими. Мне это показалось подозрительным, и я встал, дав понять, что хочу уйти. Мистер Генри не стал возражать, и нас проводили еще более приветливо, чем встретили.

Когда мы отошли настолько, что нас не могли уже видеть из конторы, мистер Генри остановился, положил руку мне на плечо и сказал весьма довольным тоном:

– Сэр, молодой человек, гринхорн! Вы и не подозреваете, какую радость доставили мне сегодня! Я прямо горжусь вами!

– Почему?

– Потому, что вы превзошли ожидания этих господ и мои рекомендации!

– Рекомендации? Ожидания? Не понимаю...

– И не надо. На самом деле все очень просто. Вы недавно утверждали, что кое-что смыслите в геодезии. Желая узнать, не врете ли вы, я и привел вас к этим джентльменам – моим хорошим друзьям. Вы с честью выдержали испытание!

– Врать? Мистер Генри, если вы считаете меня способным на это, то больше я к вам никогда не приду!

– Не смешите меня! Вы что, хотите лишиться меня, старика, радости видеть молодого человека, так похожего на моего сына? Вы еще раз заглядывали к торговцу?

– Я бываю там каждое утро.

– И объезжали чалого?

– Разумеется!

– Ну и будет из коня толк?

---

⁹ *Триангуляция* – один из методов определения положения геодезических пунктов, служащих исходными при топографической съемке и других геодезических работах.

– Надеюсь, но сомневаюсь, сможет ли будущий его владелец справиться с ним. Жеребец привык только ко мне, любого другого он сбросит.

– Хм, весьма и весьма рад! Очевидно, ему по нраву носить на спине только гринхорнов. А ну-ка, свернем вот в этот проулок! Там я знаю замечательный салунчик, где можно славненько набить брюхо, а еще лучше – сполоснуть глотку. Отпразднуем экзамен, столь великолепно выдержанный вами сегодня!

Я не мог понять мистера Генри – он вдруг совершенно изменился. Этого одиночку понесло в салун! Лицо его совсем изменилось, а голос звучал радостно и звонко. Слово «экзамен» поразило меня, хотя в данном случае оно, скорее всего, ничего особенного не означало.

С этого дня он стал ежедневно навещать меня и общался со мной так, будто я был для него самый дорогой друг. При этом он не забывал в определенный момент сбить мою спесь тем самым роковым словом «гринхорн».

Удивительно, но в то же самое время изменилось отношение ко мне всей семьи, приютившей меня. Родители стали более внимательными, дети – более ласковыми. Не раз я ловил тайно обращенные на меня взгляды, однако не мог ничего понять, – казалось, они выражали и любовь и сожаление одновременно.

Приблизительно через три недели после нашего странного посещения геодезической конторы хозяйка попросила меня остаться на ужин дома, хотя мои планы были совершенно другими. Она мотивировала это тем, что придет мистер Генри, а также еще два джентльмена, один из которых – Сэм Хокенс, знаменитый вестмен. Мне, гринхорну, его имя ничего не говорило, хотя я был не прочь познакомиться с настоящим, да еще и прославленным вестменом.

Здесь я был свой, поэтому, не дожидаясь удара гонга, заглянул в столовую раньше. С удивлением я заметил, что стол накрыт по-праздничному. Пятилетняя малышка Эмми, оказавшаяся без присмотра, выуживала пальчиками ягоды из фруктового компота. Как только я вошел, она моментально отдернула ручку и тут же вытерла ее о свои светлые волосы. Я погрозил ей, а она тотчас подскочила ко мне и со смехом начала что-то шептать на ухо. Желая загладить вину, девчушка выболтала мне заветный секрет, от которого, похоже, щемило ее сердечко. Сначала мне показалось, что я ослышался, но она несколько раз повторила одни и те же слова: «Ваши проводы, ваши проводы, ваш прощальный ужин».

Мой прощальный ужин?! Что за детская фантазия, возникающая, вероятно, из-за какого-то недоразумения?! Я лишь усмехнулся. Но тут из прихожей послышались голоса. Пришли гости, и я отправился их встречать.

Все трое появились одновременно; позже я узнал, что они так стоворились. Генри сперва представил меня мистеру Блэку, несколько неуклюжему на вид молодому человеку, потом – Сэму Хокенсу, вестмену.

Живой настоящий вестмен! Думаю, что вид у меня был не очень, когда я усталился на него, словно баран на новые ворота. Такого человека я прежде никогда не видел, хотя впоследствии мне доводилось познакомиться с не менее замечательными людьми. Кстати, удивляться было чему! Мало того что сама внешность охотника приковывала внимание, впечатление усиливалось еще и тем, что он стоял в приемной так, будто находился в прерии: в шляпе и с длинным ружьем наперевес!

Зрелище впечатляющее: из-под уныло свисающих полей фетровой шляпы, бог ее знает какого возраста, цвета и формы, среди леса спутанных темных волос торчал устрашающих размеров нос, вполне способный заменить стрелку солнечных часов. На фоне сплошной бороды, кроме носа, можно было разглядеть лишь пару маленьких, умных и чрезвычайно подвижных глазок, сверкавших неподдельным лукавством. Он рассматривал меня так же внимательно, как и я его. Причину такого внимания с его стороны я узнал позже.

Его туловище облачала старая, сшитая из козьей шкуры куртка, доходившая ему до самых колен. Куртка была явно с чужого плеча: этот маленький человечек выглядел в ней, как

ребенок, шутки ради впрыгнувший в дедушкин халат. Из-под куртки торчали две тощие серпообразные ноги, на которых болтались кожаные леггинсы¹⁰, обшитые бахромой; из них владелец, похоже, вырос лет двадцать назад. А в его невероятных размеров индейских мокасинах¹¹, кажется, мог целиком поместиться и он сам.

В руке знаменитый вестмен держал ружье, прикоснуться к которому я не решился бы за все золото мира. Оно скорее напоминало дубину, нежели огнестрельное оружие. В тот момент нельзя было придумать лучшей карикатуры на охотника прерий, однако вскоре я смог полностью оценить его незаурядность.

Внимательно разглядев меня, он тонким, почти детским голосом обратился к ружейному мастеру:

– Это и есть тот юный гринхорн, о котором вы рассказывали, мистер Генри?

Тот кивнул.

– Ладно! Мне он даже нравится! Надеюсь, Сэм Хокенс ему тоже будет по нутру!

Со своеобразным смехом, который я услышу еще тысячу раз, он повернулся к открывшейся в тот момент двери. Вошли хозяин и хозяйка, и из того, как они поздоровались с ним, можно было заключить, что они встречались и раньше. Затем хозяева пригласили нас в столовую.

Мы последовали приглашению, при этом Сэм почему-то не стал раздеваться. Только когда мы сели, он пояснил, указывая на свое старомодное ружье:

– Настоящий вестмен никогда не бросит свою хлопушку, тем более я – свою старушку Лидди! Я повешу ее вот сюда, на розетку от гардин.

Итак, свое ружье он величал Лидди! Позже я узнал, что у многих вестменов вошло в моду давать имена оружию и обращаться с ним как с живым существом. Повесив ружье, Хокенс решил сделать то же самое со своей замечательной шляпой. Он снял ее, и... К моему великому ужасу, в ней остались все его волосы! Кроваво-красный, полностью лишенный растительности череп охотника мог напугать любого! Наша хозяйка громко вскрикнула, а дети завизжали, как только могли. На это Сэм спокойно повернулся к ним и как ни в чем не бывало сказал, перемежая речь своим особым смехом:

– Не пугайтесь, господа! Что тут такого? С честью и полным правом, которое не посмел бы оспорить ни один адвокат, я с детства носил собственные волосы, пока на меня не напали пауни¹², содравшие с моей башки вместе с волосами и кусок кожи. Чертовски неприятно было, должен вам признаться! Однако все закончилось благополучно. Потом я отправился в Текаму и купил себе новый скаल्प, если не ошибаюсь! Его называли париком, и стоил он мне трех связок бобровых шкурок. Хотя все это пустяки! Новая кожа лучше старой, особенно летом: вот могу снять ее, если пот прошибет!

Он повесил шляпу на дуло ружья, а парик снова натянул на голову. Затем Сэм снял кожаную куртку и бросил ее на спинку стула. Куртка была сплошь в заплатках, кожаные лоскуты громоздились друг на друге, да так, что одеяние напоминало настоящий панцирь, который, похоже, не могла пробить даже индейская стрела.

Теперь, когда старый вестмен остался в кожаной охотничьей жилетке, мы увидели его худые кривые ноги во всей красе. За поясом у него торчали два пистолета и нож. Усевшись на стул, он бросил сначала на меня, а потом на хозяйку лукавый взгляд и напыщенно спросил:

---

¹⁰ *Леггинсы* (леггинги) – штанины, надевающиеся отдельно на каждую ногу и прикрепляющиеся к поясу.

¹¹ *Мокасины* – индейская обувь из одного куска кожи (иногда с отдельно пришивающейся подошвой или голенищем); украшались вышивкой, бахромой или заклепками. У каждого племени крой и отделка мокасин отличались.

¹² *Пауни* – «волки», индейское племя языковой группы кэддо, издревле обитавшее в долине реки Платт, занимавшееся коневодством и охотой на бизонов. В 1877 г. были переселены на Индейскую территорию (современный штат Оклахома). На языке индейцев сию слово «пани» означает «красные птицы», что связано с головным убором из перьев, который у пауни обычно был красного цвета.

– Не соблаговолит ли миледи, прежде чем мы примемся за еду, сообщить этому гринхорну, в чем, собственно, дело, если не ошибаюсь?

В очередной раз произнесенное «если не ошибаюсь» было его любимой присказкой. Хозяйка кивнула, повернулась ко мне, потом указала на другого молодого человека и заметила:

– Сэр, вы, вероятно, еще не в курсе, что мистер Блэк останется у нас вместо вас?

– Вместо меня? – Своего удивления я скрыть не смог.

– Конечно! Сегодня мы прощаемся с вами, но нам необходимо было найти нового учителя.

– Прощаетесь... со мной?!

Надо сказать, я ужасно благодарен судьбе, что тогда никому не пришло в голову запечатлеть на фотографии мой до смешного растерянный вид!

– Ну конечно, сэр, – ответила хозяйка, благожелательно улыбаясь, что я, впрочем, посчитал совершенно неуместным. После чего она добавила: – Раз речь идет о вашем счастье, мы не станем чинить вам препятствия. Поверьте, нам очень жаль расставаться с вами, и мы желаем вам всего самого наилучшего. Отправляйтесь завтра с богом!

– Завтра? Но куда? – бормотал я, ничего не понимая.

Тут слово взял Сэм Хокенс, стоявший рядом со мной. Он хлопнул меня по плечу и со смехом произнес:

– Куда? На Дикий Запад, вместе со мной! Вы блестяще выдержали экзамен. Другие геодезисты отправляются завтра – ждать дольше они уже не могут. И вы должны без разговора ехать с ними. Меня с Диком Стоуном и Уиллом Паркером наняли проводниками на пути вдоль русла Канейдиан вглубь Нью-Мексико. Не сомневаюсь, что у вас и мысли не возникнет остаться здесь зеленым гринхорном, а?

Вот оно что! Теперь я наконец прозрел. Похоже, они уже обо всем сговорились заранее. Мне определили роль геодезиста, быть может, на одной из больших железных дорог, которых тогда проектировалось немало. Мне даже не пришлось расспрашивать ни о чем, ибо все сведения я тотчас получил от своего доброго друга мистера Генри. Он подошел ко мне и сказал:

– Знаете, почему я так хорошо отношусь к вам? Сейчас вы живете у прекрасных людей, но учительствовать не ваше призвание. Вам просто необходимо попасть на Запад! Потому я и обратился в компанию «Атлантик энд Пасифик», чтобы они испытали вас. Экзамен вы выдержали – и вот ваше назначение на должность.

Мистер Генри передал мне документ. Когда я в него заглянул и увидел сумму своего вероятного заработка, то не поверил своим глазам. А мистер Генри продолжал:

– Теперь дальше... Вы поедете верхом, значит вам нужна хорошая лошадь, так? Я купил того чалого, что вы сами объездили. Забирайте его. Разумеется, понадобится и ружье. Вот вам мой старый тяжелый «медведебой». Я слишком стар для него, а вы из него не промажете. Что скажете, сэр?

Поначалу я ничего не мог ответить, а когда ко мне вернулся дар речи, я принялся отказываться от дорогих подарков, в чем, однако, не преуспел. Добрый старик решил меня буквально осчастливить, и мой отказ глубоко бы его обидел. Чтобы хоть на время прекратить этот разговор, хозяйка села за стол, приглашая последовать ее примеру. Все принялись за еду и не стали возвращаться к разговору.

Только после ужина узнал я все подробности. Железную дорогу предполагалось провести от Сент-Луиса через Индейские территории, штаты Нью-Мексико, Аризона и Калифорния до тихоокеанского побережья. Все это огромное расстояние предстояло исследовать и измерить на отдельных участках. Мне и трем другим геодезистам во главе с главным инженером надлежало работать на участке от истоков Рио-Пекос до Южного Канейдиана. Три надежных проводника – Сэм Хокенс, Дик Стоун и Уилл Паркер – будут нас сопровождать до определенного

места, где нас ожидают другие опытные и храбрые вестмены, оставленные для обеспечения нашей безопасности. Кроме того, мы могли рассчитывать на поддержку всех местных фортов.

Обо всем этом рассказали мне лишь сегодня только из желания сделать приятный сюрприз. Сюрприз сюрпризом, но поздновато... Однако все нужное для длительной поездки уже подготовили. Теперь меня необходимо было представить коллегам, ожидавшим на квартире главного инженера. Я отправился туда в сопровождении мистера Генри и Сэма, где меня встретили весьма дружелюбно. Мои будущие сослуживцы не держали на меня зла за опоздание, поскольку знали о том, что для меня все это оказалось большой неожиданностью.

Следующим утром мне ничего не оставалось, как проститься с приютившей меня семьей, после чего я отправился к мистеру Генри. Когда же я стал благодарить его, он резко перебил меня:

– Да помолчите вы, сэр! Я ведь только для того отправляю вас туда, чтобы снова заговорило мое старое ружье. Когда вернетесь, обязательно разыщите меня и расскажите обо всем, что видели и пережили. Тогда и посмотрим, останетесь ли вы тем, кем являетесь сегодня (хотя категорически не согласны с этим), – то есть гринхорном, самым что ни на есть...

С такими словами он вытолкал меня за дверь, но прежде чем она закрылась, я успел заметить, что в его глазах стояли слезы.

Глава вторая

Клеки-Петра

Чудесная североамериканская золотая осень подходила к концу. Мы работали более трех месяцев, однако опаздывали и не сумели выполнить задание, в то время как геодезисты других участков почти все уже вернулись домой. На столь плачевное состояние дел повлияли две причины.

Главная заключалась в сложностях местного ландшафта. Железнодорожная ветка должна была идти через прерию вдоль русла Южного Канейдиана. Четкое направление нам указали только до истоков реки, а дальше, начиная от Нью-Мексико, пришлось решать самим, куда двигаться дальше. Таким образом, наш дальнейший путь по Нью-Мексико определялся исключительно рельефом долин и каньонов.

Мы смогли взяться за основную работу только после долгих утомительных странствий и всевозможных вспомогательных измерений. Кроме того, мы оказались в очень опасной местности. Здесь бродили кайова¹³, команчи¹⁴ и апачи¹⁵, не желавшие и слышать о дороге через территорию, которую считали своей собственностью. Мы находились в постоянном напряжении, что, само собой разумеется, сильно тормозило работу. То и дело ожидая нападения краснокожих, нам пришлось отказаться от охоты – индейцы запросто обнаружили бы наши следы. Все, что нам было нужно, в том числе и продовольствие, мы привозили на волах из Санта-Фе. Но и этот способ транспортировки, к сожалению, был ненадежен: обоз вечно опаздывал. Нередко в ожидании провианта и других необходимых вещей мы просто не могли двигаться дальше и работа стояла.

Второй причиной промедления являлись разногласия внутри нашего пестрого отряда. Я рассказывал уже, как в Сент-Луисе меня очень дружелюбно встречали главный инженер и трое геодезистов. Разумеется, я полагал, что между нами установится продуктивное сотрудничество. К сожалению, я жестоко ошибся.

Все мои коллеги были чистокровные янки, видевшие во мне только гринхорна и неопытного «голландца»¹⁶. Сами они хотели лишь побольше заработать, а качество работы их совершенно не волновало. «Честный немец» был для них не иначе как «тормозом», и очень скоро они отказали мне в своем расположении. Так или иначе, но я спокойно продолжал исполнять обязанности. Вскоре я заметил, что и познания в своей специальности у них весьма скудны. Самую тяжелую работу они легко подсовывали мне, себе же всячески облегчали задачу. Я не стал возражать, поскольку всегда придерживался того мнения, что трудности закаляют.

Главный инженер, мистер Банкрофт, – надо сказать, самый сведущий из них, – питал слабость к виски. Из Санта-Фе привезли несколько бочонков этого пагубного зелья, которое с тех пор интересовало его гораздо больше, нежели измерительные инструменты. Бывало, что он полдня лежал в лежку совершенно пьяный. Землемеры Риггс, Мэрси и Уилер, как, впрочем, и я, должны были платить за виски из своего кармана, поэтому они и пили наравне с ним, чтобы не оказаться внакладе. Естественно, и эти джентльмены частенько находились в приподнятом

---

¹³ *Кайова* (киова) – «главный народ», воинственное племя южных североамериканских степей, относящееся к группе шошонов. Жили в устьях рек Симаррон и Ред-Ривер (современные штаты Техас и Оклахома). Во время военных походов обычно выступали союзниками команчей.

¹⁴ *Команчи* (немена) – «враги», племя группы шошонов, жившее к югу от реки Арканзас (современные штаты Нью-Мексико и Техас).

¹⁵ *Апачи* – индейское племя группы южных атапасков языковой семьи надене, жившее в прериях на территории современных штатов Нью-Мексико и Аризона.

¹⁶ Так англо-американцы с презрением называли всех выходцев из Германии.

настроении. Сам я ни капли в рот не брал, вся работа валилась на меня, а они то пили, то отсыпались с похмелья. Уилер, будучи лучшим из худших, хотя бы понимал, что я вкалывал за них, совершенно не обязанный этого делать.

Другие члены отряда также оставляли желать лучшего. Когда мы прибыли на участок, то застали там ожидавших нас двенадцать вестменов. Первое время как новичок я испытывал к ним довольно большое почтение. Но вскоре я понял, что имею дело с людьми весьма низкой морали.

Они были призваны защищать нас и оказывать помощь при работе. К счастью, за все три месяца не произошло ничего, что могло бы вынудить меня прибегнуть к их сомнительной защите. А что касается помощи в работе, то с полным правом могу утверждать: здесь собрались самые отъявленные бездельники со всех Соединенных Штатов. О какой там дисциплине могла идти речь?!

Банкрофт считался у нас старшим, и хотя он старался изо всех сил это подчеркнуть, его никто не слушал. На его приказания отвечали усмешками, а он извергал проклятия, которые мне редко приходилось слышать. После этого он спокойно отправлялся к своему бочонку. Риггс, Мэрси и Уилер едва ли от него отличались. Все эти обстоятельства заставили меня взять бразды правления в свои руки, однако действовать пришлось так, чтобы это не бросалось в глаза. Ждать серьезного отношения к молодому неопытному человеку, каковым я был тогда, не приходилось. Все же рассудок подсказывал мне, как действовать. Если бы я говорил с ними приказным тоном, то, разумеется, ничего, кроме громкого и презрительного смеха, в ответ не услышал бы. Нет, я должен был действовать незаметно и осторожно, как мудрая женщина, умеющая искусно повелевать строптивым мужем, который и не подозревает об этом. Эти полудикие, необузданные вестмены раз десять на дню обзывали меня гринхорном, при этом все же бессознательно подчинялись мне, абсолютно уверенные, что повинуются лишь собственной воле.

Помогали мне только Сэм Хокенс и его спутники, Дик Стоун и Уилл Паркер. Все трое были в высшей степени честные, опытные, умные и смелые люди, слава о которых давно переступила границы Дикого Запада. Обычно они находились рядом со мной, других же старались избегать, но делали это так, чтобы никого не обидеть. Хокенс, несмотря на свои странности, отлично справлялся с остальными горе-вестменами. Он постоянно говорил обо всем шутя, однако умел настоять, и его желание всегда исполнялось, что помогало мне в достижении цели.

Между нами втайне установились такие отношения, которые я сравнил бы с суверенными отношениями двух государств. Он негласно стал моим покровителем, даже не спросив на то моего согласия. Я ведь был гринхорном, а он – опытным вестменом, слова и действия которого не подлежали критике. В любой подходящий момент он принимался за мое практическое и теоретическое обучение во всем, что, по его мнению, необходимо было уметь и знать на Диком Западе. И хотя свою высшую школу я позже прошел у Виннету, моим первым учителем все же был Сэм Хокенс. Он своими руками сделал мне лассо и заставил упражняться в метании, позволив мне накидывать веревку не только на лошадь, но и на него самого. Когда я научился из любого положения захлестывать петлю, он искренне обрадовался и воскликнул:

– Великолепно, юный сэр! Вот так! Но не задирайте нос слишком высоко! Временами учитель должен похвалить и самого нерадивого ученика, чтобы тот окончательно не пал духом. Через мои руки прошел не один желторотик. Признаюсь, все они успевали лучше и понимали гораздо быстрее вас. Но если вы будете продолжать в том же духе, быть может, через шесть-восемь лет вас не станут больше величать гринхорном. А до того момента не падайте духом, иногда дураку удастся добиться гораздо большего, нежели умнику, если не ошибаюсь!

На первый взгляд он говорил совершенно серьезно, а я так же серьезно воспринимал его речи, однако я отлично знал, что же он думал на самом деле.

Хотя занятия под его началом мне нравились больше всего, у меня было слишком много работы по службе. Скажу откровенно: если бы не Сэм, я никогда бы не нашел столько времени для упражнений в ловкости, необходимой для охотника прерий. Кстати, об этих занятиях никто не знал – они проходили обычно на таком расстоянии от лагеря, чтобы нас оттуда никто не увидел. Таково было условие Сэма, и когда однажды я захотел узнать причину, он мне ответил:

– Все это ради вас, сэр. Вы так во многом неловки, что я на вашем месте сгорел бы от стыда, если бы эти дурни застукали меня за подобными занятиями. Теперь вы это знаете! Запомните мои слова!

В конце концов дошло до того, что вся компания стала сомневаться в моей физической силе и в умении обращаться с оружием, хотя меня это нисколько не обижало.

Несмотря на все упомянутые трудности, наступил момент, когда мы наконец смогли рассчитать, что через неделю доберемся до соседнего участка. Необходимо было выслать курьера, чтобы сообщить об этом нашим соседям. Мы не раз через курьеров поддерживали отношения с соседними участками. Однако Банкрофт заявил, что поедет сам в сопровождении одного из вестменов в ближайшее воскресенье. В день отъезда закатали пирушку, где участвовали все, кроме меня и Хокенса, которых не пригласили, а также Стоуна и Паркера, которые просто отказались. Как я и предполагал, пьянство прекратилось лишь тогда, когда Банкрофт уже не смог ворочать языком. Его собутыльники также не ворочали языками и были не менее пьяны, чем он. Естественно, о поездке не могло быть и речи. Все распозлились по кустам, чтобы выспаться.

Что оставалось делать? Послать курьера было просто необходимо, а продрать глаза братия могла не раньше вечера. Лучше всего было бы отправиться самому – но мог ли я покинуть лагерь? Я не сомневался, что за четыре дня моего вероятного отсутствия здесь никто палец о палец не ударит. Пришлось посоветоваться со старым Сэмом. Выслушав меня, он с хитрой улыбкой указал пальцем на запад и произнес:

– Вам вовсе не надо ехать, сэр! Можно передать новость через всадников, что едут сюда!

Повернув голову, я действительно увидел двух всадников, направлявшихся прямо к нам. Это были белые, в одном из которых я узнал старого скаута; он уже несколько раз привозил нам вести с соседнего участка. Другой всадник, которого я раньше никогда не видел, был помоложе, и одежда его резко отличалась от костюма вестмена. Когда я вышел навстречу, оба придержали лошадей, а незнакомец спросил мое имя. Услышав его, он взглянул на меня приветливым, но испытующим взглядом.

– Вы и есть тот самый молодой джентльмен, что работает здесь за всех остальных бездельников?! Наверное, вы догадаетесь, кто я, когда я представлюсь. Моя фамилия Уайт.

Действительно, я слышал о нем. Это был управляющий соседнего с нами участка, куда мы собирались отправить курьера. Очевидно, здесь он неспроста. Уайт слез с лошади, протянул мне руку и оглядел наш лагерь более внимательно. Увидев спящих, а также бочонок из-под виски, он улыбнулся, однако вовсе не дружелюбно.

– Похоже, пьяны? – спросил он.

Я кивнул.

– Что, все?

– Да, мистер Банкрофт собирался отправиться к вам и устроил маленькую прощальную пирушку. Я его разбужу и...

– Стойте! – перебил он меня. – Пусть спит! Я хочу поговорить с вами наедине. Отойдемте в сторону. Кто эти люди, что стояли рядом с вами?

– Сэм Хокенс, Уилл Паркер и Дик Стоун. Они – наши скауты, на которых вполне можно положиться.

– А-а, Хокенс, этот маленький удивительный охотник... Дельный парень! Я о нем многое слышал. Пусть эти трое идут с нами.

Я подал знак скаутам и затем спросил:

– Вы явились сюда лично, мистер Уайт. Случилось что-нибудь важное?

– Ничего особенного! Только хотел посмотреть, как идут дела, да поговорить с вами. Мы давно справились с нашим участком, а вы еще нет...

– Но в этом виноват рельеф, и я хочу...

– Знаю, знаю! – перебил он. – К сожалению, все знаю! Если бы вы не старались за троих, Банкрофт до сих пор бы топтался на месте.

– Нет, мистер Уайт, дело не в этом. Я, впрочем, не знаю, почему у вас создалось ложное мнение, будто я один тут работаю. Это же моя обязанность...

– Ну хватит, хватит, сэр! Мы ведь поддерживали отношения через курьеров. Я их спросил о многом. Очень великодушно, конечно, с вашей стороны защищать этих пьянчуг, но я хочу знать правду. А вы, кажется, слишком благородны, чтобы сказать ее, поэтому я спрошу Сэма Хокенса. Присядем-ка здесь!

Мы остановились возле палатки. Он спокойно сел на траву и предложил нам последовать его примеру. Тут же он принялся расспрашивать Хокенса, Стоуна и Паркера, которые, ничего не перевирая, рассказали ему обо всем, что происходило. Желая почему-то защитить своих коллег и сделать их в более выгодном свете, я пытался вставить несколько замечаний, но это не оказало на Уайта никакого действия. Напротив, он убеждал меня не тратить зря время.

Наконец, узнав все в подробностях, он попросил меня показать чертежи и дневник. Я передал их, хотя мог бы этого и не делать, но мне не хотелось его обижать. К тому же я чувствовал, что он желает мне только добра. Мистер Уайт очень внимательно просмотрел документы. В итоге мне пришлось признаться, что в действительности никто, кроме меня, не написал в них ни строчки.

– Впрочем, из дневника не видно, сколько часов поработал каждый, – констатировал он. – Ваша товарищеская солидарность похвальна, но вы, кажется, зашли слишком далеко!

На что Хокенс не без лукавства заметил:

– А вы загляните-ка в его боковой карман, мистер Уайт! Там есть жестянка из-под сардин. Рыбкой там и не пахнет, зато есть кое-что получше – записная книжка, если не ошибаюсь! Там вы найдете то, чего нет в официальных документах!

Хитрец Сэм знал, что я вел частные записи, которые всегда носил при себе в пустой банке из-под сардин. Не скажу, что мне понравилась эта его выходка, однако времени на выяснение отношений не было. Уайт попросил у меня и этот дневник. Что было делать? Я не стремился навредить своим коллегам, но и отказывать Уайту было бы глупо, поэтому я вручил ему дневник с условием, что он никому не скажет о его содержании. Он прочел его и, вернув мне, сказал:

– Собственно говоря, я должен забрать эти листки с собой и отдать их куда следует. Эти ваши коллеги абсолютно нетрудоспособны, и им не следовало бы выплачивать больше ни одного доллара. По идее, вам полагается тройная оплата. Ну ладно, дело ваше! Но лучше бы вам сохранить эти заметки. Они потом могут вам пригодиться. А теперь пора будить почтенных джентльменов!

Уайт встал и ударил в гонг. Из-за кустов потихоньку стали выползать помятого вида «джентльмены» с очень расстроенными лицами. Недовольный Банкрофт хотел было выругаться, что потревожили его сон, но, после того как я сообщил ему о приезде мистера Уайта, стал вести себя сдержаннее. Прежде они никогда не виделись, и первое, что сделал Банкрофт, – это предложил гостю виски, совершив тем самым непоправимую ошибку. Уайт воспользовался приглашением только для того, чтобы высказать Банкрофту все, что он о нем думает. Некоторое время Банкрофт слушал Уайта с явным удивлением, но потом, резко схватив говорящего за рукав, закричал:

– Да кто вы такой?

– Я – главный инженер соседнего участка.

– Кто-нибудь из нас имеет право там распоряжаться?

– Полагаю, что нет!

– Так вот! Моя фамилия Банкрофт, я – главный инженер этого участка. Никто не смеет мне приказывать, а уж тем более вы, мистер Уайт!

– В этом вы правы, – ответил тот спокойно. – Но если один замечает, что другой губит дело, он просто обязан обратить внимание этого другого на его ошибки! Неужели, кроме этого бочонка, вам ничего не нужно? Когда я приехал сюда два часа назад, я увидел шестнадцать человек – и все они были пьяны!

– Два часа тому назад? – недоверчиво буркнул Банкрофт. – Вы здесь уже так давно?

– Именно. Я успел ознакомиться с чертежами и узнать, кто их составлял. Хорошо вы тут жили, пока один-единственный человек, самый младший из вас, справлялся со всей работой!

Банкрофт шагнул ко мне и прошипел:

– Это вы сказали? Да вы просто гнусный лжец и предатель!

– Нет, – твердо ответил ему Уайт. – Ваш молодой коллега поступил как джентльмен. Он даже с похвалой отзывался о вас. Он защищал вас, и я советую извиниться перед ним за ваше оскорбление!

– Извиниться? Ха! – язвительно усмехнулся Банкрофт. – Этот гринхорн не может отличить треугольник от четырехугольника, зато воображает себя геодезистом! Наша работа оттого и не продвигается, что он тормозит ее, делая все наоборот! Если он теперь, вместо того чтобы признаться в этом, врет и клеветает на нас...

На середине фразы Банкрофт осекся. Целых три месяца я все сносил и позволял этим людям думать обо мне все что угодно. Но теперь наступил наконец момент показать им, что они глубоко заблуждались! Я стиснул руку Банкрофта с такой силой, что у того сперло дыхание и он от боли не мог дальше говорить.

– Мистер Банкрофт! Вы слишком много выпили и не проспались! Поэтому будем считать, что вы мне просто ничего не говорили!

– Я пьян? Да ты спятил!

– Если бы вы были трезвы и осознанно оскорбили меня, мне пришлось бы по-настоящему разобраться с вами! Понятно? Хватит ли у вас еще смелости отрицать, что вы не проспались?

Я продолжал крепко сжимать его руку. Разумеется, раньше ему и в голову не могло прийти бояться меня, но теперь дело обстояло именно так – я это видел. Его ни в коем случае нельзя было назвать слабым человеком, но он не на шутку испугался. Он очень не хотел согласиться с тем, что еще пьян, и в то же время не осмеливался настаивать на обвинении, а потому обратился за помощью к предводителю двенадцати вестменов, обязанных защищать нас от индейцев:

– Эй, мистер Рэтлер, вы допустите, чтобы этот гринхорн просто так хватал меня? Разве вы не для того здесь, чтобы нас защищать?

Этот Рэтлер – широкоплечий малый, обладавший силой четверых, – был чрезвычайно грубым и жестоким субъектом, к тому же любимым собутыльником Банкрофта. Он меня на дух не переносил и спяну искренне обрадовался возможности выплеснуть на меня накопившуюся ненависть. Подойдя ближе, он схватил меня за руку, подобно тому как это сделал я с Банкрофтом, и пробормотал:

– Нет, мистер Банкрофт, этого я не допущу! Мальчишка не стоптал и первых башмаков, а осмеливается грозить взрослым! Убери руки от мистера Банкрофта, желторотый мерзавец! А не то я покажу тебе, что ты за гринхорн! – С этими словами он сильно сжал мою руку.

Я прекрасно знал, что Рэтлер был сильнее Банкрофта, и если бы мне удалось проучить его, это произвело бы большее впечатление на остальных. Я резко вырвал свою руку и подзадорил громилу:

– Эй, возьмите свои слова обратно, мистер Рэтлер, а не то я свалю вас на землю!

– Что? Меня? – рассмеялся он. – Какой-то гринхорн кричит, что...

Договорить он не успел, поскольку я с такой силой ударил его кулаком в висок, что он, как мешок, рухнул на землю, так и оставшись лежать без движения. Воцарилось молчание, которое вскоре нарушил один из товарищей Рэтлера:

– Черт возьми! Мы что, так и будем спокойно смотреть, как этот проклятый голландец бьет нашего предводителя? Эй, а ну дайте ему как следует, ребята!

С этими словами он первым бросился на меня, но тут же получил удар ногой в живот. От такого встречного удара противник всегда падает, но самому нужно при этом крепко держаться на ногах. Парень грохнулся в пыль. В тот же миг я очутился на нем и оглушил кулаком по голове. Тут же я быстро вскочил, выхватил из-за пояса оба револьвера и предупредил:

– Кто следующий? Пусть попробует!

Банда Рэтлера была бы не прочь отомстить за поверженных товарищей, однако горе-вестмены вопросительно уставились друг на друга. Не давая опомниться, я крикнул им:

– Слушайте меня! Еще один шаг – получите пулю в лоб! О гринхорнах думайте что хотите, но я вам докажу, что один из них неплохо справится с дюжиной вестменов вроде вас!

В этот момент Сэм Хокенс встал рядом со мной и усмехнулся:

– И я, Сэм Хокенс, тоже предупреждаю вас, если не ошибаюсь! Этот молодой немецкий гринхорн находится под моей защитой. Если хоть один волосок упадет с его головы, я продырявлю ваши беспутные души! Говорю я это совершенно серьезно!

Дик Стоун и Уилл Паркер неторопливо присоединились к нам, не спуская глаз с развеселой компании и дав понять, что и они того же мнения. На моих противников все это произвело должное впечатление. Изрыгая проклятия и угрозы, они рассредоточились и стали приводить в чувство обоих товарищей.

Банкрофт посчитал самым благоразумным исчезнуть в своей палатке. Уайт сверлил меня удивленным взглядом, не зная, что и сказать. В конце концов, тряхнув головой, он произнес с неподдельным изумлением:

– Ну и ну, сэр! Не хотел бы я попасть к вам в лапы. Вас следовало бы назвать Шеттерхэндом¹⁷, если одним ударом кулака вы сшибаете с ног такого верзилу! Никогда не видел ничего подобного!

Похоже, идея пришла по вкусу Хокенсу. Он радостно воскликнул:

– Олд Шеттерхэнд! Гринхорну – боевую кличку, да еще такую! Когда Сэм Хокенс берется за гринхорна, из него всегда выйдет толк, если не ошибаюсь... Шеттерхэнд, Олд Шеттерхэнд! Прямо как Олд Файерхэнд¹⁸, тоже вестмен, сильный, как медведь! Эй, Уилл, Дик, что скажете?

Я так и не расслышал их ответа, поскольку должен был уделить внимание Уайту, который, взяв меня под руку, отвел в сторону и сказал:

– А вы мне жутко нравитесь, сэр! Может, поедете со мной?

– Даже если я захочу это сделать, мистер Уайт, я не вправе!

– Почему же?

– Я обязан остаться здесь.

– Зачем? Я беру на себя всю ответственность!

– Это мне не поможет. Меня направили сюда, чтобы я помог измерить этот участок, и я не могу уйти, пока мы не справимся с работой.

– Банкрофт закончит измерения с остальными рабочими.

– Нет, я должен остаться!

– Не забывайте, что вам здесь угрожает опасность!

---

¹⁷ *Олд Шеттерхэнд* (англ. Old Shatterhand) – Старина Разящая Рука, главный персонаж всех романов Карла Мая о Диком Западе; именно с ним писатель отождествлял самого себя.

¹⁸ *Олд Файерхэнд* (англ. Old Firehand) – Старина Огненная Рука.

- Какая?
- Разве вам не ясно, что эти люди теперь ваши смертельные враги?
- Возможно, но я не боюсь их! Эти два удара заставят их уважать меня. Не скоро кто-нибудь из них подойдет ко мне! Впрочем, на моей стороне Хокенс, Стоун и Паркер.
- Дело ваше! Но вы могли бы мне пригодиться... Хорошо, тогда хотя бы проводите меня.
- Вы уходите, мистер Уайт?
- Да, обстоятельства таковы, что у меня нет никакой охоты оставаться здесь дольше, чем нужно.
- Может, что-нибудь перекусите, прежде чем отправляться в дорогу?
- Не волнуйтесь, сэр! В седельных сумках у нас есть все необходимое.
- Однако вы ведь приезжали к Банкрофту по какому-то делу?
- Разумеется. Но теперь я могу поговорить об этом и с вами. Думаю, вы меня даже лучше поймете. Хочу предостеречь вас от краснокожих.
- Вы их видели?

– Их никто не видел, а вот следы... Сейчас наступает время, когда мустанги и бизоны отправляются на юг. Индейцы покидают стойбища, чтобы поохотиться и запастись мясом. Кайова нам не опасны, поскольку мы сумели договориться с ними насчет дороги. А вот команчи и апачи о ней пока ничего не знают, а значит, нам ни в коем случае нельзя показываться им на глаза. Что касается меня, то я справился со своим участком и покидаю эти места. Заканчивайте и вы поскорее! Обстановка здесь с каждым днем накаляется. Вот так, а теперь седлайте лошадь и спросите Хокенса, не составит ли он мне компанию.

Сэм конечно же согласился. Сначала я вспомнил о работе, но, поскольку было воскресенье, я решил, что имею наконец право на отдых. Заглянув в палатку к Банкрофту, я заявил ему, что не намерен сегодня работать и собираюсь вместе с Сэмом проводить Уайта.

– Катитесь вы к дьяволу, и пусть он свернет вам шею! – услышал я в ответ.

Удивительно, но его пожелание чуть было не исполнилось!

Чалого я не седлал уже несколько дней, и теперь он радостно заржал, когда я подошел и погладил его по крупу. Он действительно оказался превосходным скакуном, и я заранее предвкушал, с каким удовольствием сообщу об этом старому оружейнику мистеру Генри.

В то прекрасное осеннее утро, которое не могли испортить даже происшедшие неприятные события, мы бодро отправились в путь, ведя разговоры о проектируемой железной дороге и о других интересных нам вещах. Уайт давал столь необходимые мне указания относительно соединения обоих участков. Где-то в полдень мы достигли реки и решили сделать привал, чтобы подкрепиться. После скромного завтрака мы расстались с Уайтом и его скаутом, а сами еще некоторое время лежали в траве и мирно беседовали.

Решив возвращаться в лагерь, мы поднялись, а я нагнулся к воде, чтобы зачерпнуть воды и попить перед дорогой. В тот же миг я заметил в воде отпечаток чьей-то ноги и обратил на него внимание Сэма. Тот тщательно осмотрел след и серьезно произнес:

- Мистер Уайт был совершенно прав, предостерегая нас от индейцев.
- Думаете, Сэм, это след краснокожего?
- Безусловно! Здесь ступал индейский мокасина. Как ваше самочувствие? Не боитесь, а?
- И не думаю!
- Что, никаких ощущений?
- Нет.
- Похоже, вы не знаете краснокожих.
- Надеюсь, вскоре узнаю. Они такие же враги своих врагов и друзья своих друзей. У меня нет намерений враждебно относиться к ним, потому мне и нечего их бояться.
- Вы – неисправимый гринхорн и останетесь им навеки! О ваших отношениях с индейцами можете думать что хотите, но на самом деле все будет иначе, потому что события не под-

властны вашей воле! Скоро сами убедитесь, но я искренне не хотел бы, чтобы вы заплатили за это куском собственного мяса или, чего доброго, жизнью!

– Когда здесь проходил индсмен?

– Дня два тому назад. Мы бы увидели его следы и в траве, если бы они не успели исчезнуть за это время.

– Наверное, разведчик?

– Да, разведчик, ищущий бизонов. Это не военный лазутчик – между здешними племенами топор войны зарыт. Этот малый был крайне неосторожен, – очевидно, он еще молод.

– О чем вы?

– Опытный воин никогда не войдет в воду там, где его след может остаться на мелком дне. Только болван – краснокожий гринхорн, совершенно похожий на своего белого брата, мог совершить подобную глупость! Хотя белые гринхорны обычно еще глупее... Не забывайте об этом, сэр!

Старик тихо хихикнул и поднялся, чтобы сесть на лошадь. Иногда добряк Сэм любил показать свое расположение ко мне, просто называя меня болваном!

Мы могли бы вернуться прежней дорогой, но, поскольку моя задача как землемера заключалась в том, чтобы изучить свой участок, мы сначала свернули в сторону, а потом двинулись параллельно первому пути.

Вскоре мы оказались в довольно широкой долине, поросшей сочной травой. Окаймлявшие ее по обе стороны холмы были покрыты кустарником, ближе к вершинам переходившим в лес. Долина тянулась прямой полосой, так что можно было даже видеть ее противоположный конец. Чтобы добраться до него, требовалось около получаса.

Наши лошади сделали всего несколько шагов по долине, как вдруг Сэм резко осадил коня и стал внимательно всматриваться в даль.

– Бог мой! – воскликнул он. – Вот они! В самом деле, это они, самые первые!

– Кто? – непонимающе спросил я, после чего далеко впереди нас заметил около двух десятков медленно передвигающихся темных точек.

– Кто? – переспросил Сэм, беспокойно вертась в седле. – Стыдно вам, молодой человек, задавать такие вопросы! Впрочем, вы ведь гринхорн, да еще какой! Юнцы вроде вас вечно жмурят глаза! Глубокоуважаемый сэр, сообразовайте угадать, что же это за точки, которые привлекли ваш восхитительный взор? – Последние слова Хокенс сказал с явной издевкой.

– Угадать, хм! Я, может, и принял бы их за оленей, если бы не знал, что те живут стадами, не больше десяти голов в каждом. Судя по расстоянию, эти животные, хотя и кажутся очень мелкими, значительно крупнее оленей.

– Олени! – воскликнул Сэм и рассмеялся своим особым смехом. – Тут, у истоков Канейдиан? Неплохо звучит! Хотя в остальном вы рассуждаете верно. Действительно, эти животные гораздо, гораздо больше оленей.

– Уж не бизоны ли это, дорогой Сэм?

– А кто же еще! Бизоны, настоящие кочующие бизоны, которых я вижу в этом году впервые. Теперь вам понятно, что мистер Уайт был прав? Я имею в виду бизонов и индейцев! О краснокожих говорят пока только их следы, ну а бизоны – вот они, собственной персоной! Что на это скажете, если не ошибаюсь?

– Надо подойти ближе.

– Конечно!

– И посмотреть на них.

– Посмотреть? – спросил старик, окинув меня удивленным взглядом.

– Ну да. Я никогда не встречал бизонов, и мне бы очень хотелось понаблюдать за ними.

Во мне вдруг вспыхнул настоящий зоологический интерес, что маленькому Сэму было совершенно непонятно. Он лишь развел руками и запричитал:

– Понаблюдать, только понаблюдать! Прямо как мальчишка, что приникает глазами к щели кроличьего загона, чтобы понаблюдать за этими плутами! Эх, гринхорн, сколько же еще мне с вами маяться! Охотиться на них я буду, а не смотреть и наблюдать!

– Сегодня, в воскресенье?

Сэм непонимающе уставился на меня. Похоже, он разозлился не на шутку.

– Говорят вам, придержите язык, сэр! При чем здесь воскресенье, когда перед носом снуют первые бизоны? Это же мясо, понятно? Еще какое, если не ошибаюсь! Бизонье филе по вкусу затмит божественную амброзину¹⁹, или как там ее называли древние греки. Я раздобуду хорошую бизонью тушу, пусть это будет стоить мне жизни! Ветер встречный – отлично! Весь северный склон долины купается в солнце, а там, с другой стороны, хозяйничает тень. Нам надо держаться в тени, бизоны не смогут нас заметить. Пошли!

Он осмотрел оба ствола своей Лидди, а затем погнал лошадь к южному склону. Следуя его примеру, я проверил свой «медведебой». Сэм, заметив это, приостановил лошадь и спросил:

– Что, хочется принять участие в охоте?

– Разумеется!

– Нет-нет! Не суйтесь, если не хотите, чтобы зверье затоптало вас и превратило в кашу! Бизон – это не канарейка, что садится на палец и чирикает. Погода в Скалистых горах сменится еще не раз, прежде чем вас можно выпускать в такую глушь...

– Но все же хотелось бы...

– Слушайте и повинуйтесь! – перебил он меня таким тоном, которого я от него никогда еще не слышал. – Вы готовы идти на верную смерть, да вот только я не хочу брать грех на душу! Не со мной делайте что хотите, но со мной я не допущу неповиновения!

Если бы у нас с ним не было действительно хороших отношений, я бы не сдержался, однако я молча поехал следом, ведя жеребца в тени леса. При этом Сэм, маяча впереди, продолжал говорить дальше, но уже более мирно:

– Их всего двадцать. А были времена, когда можно было встретиться с сотней этих упрямцев в открытой прерии! Когда-то я видел стада в несколько тысяч голов! Это же «индейский хлеб», который отобрали белые. Краснокожие щадили зверье, потому что оно давало им пищу, они убивали ровно столько, сколько требовалось, чтобы прокормиться. Но белые гнали стада, как алчные хищники, и, даже когда набивали свое брюхо, продолжали убивать ради развлечения. Так будет до того, как не останется ни одного бизона, а стало быть, и ни одного индейца. А мустанги? Раньше их было не счесть! Радуйтесь, если повстречаете хоть какой-нибудь табун.

Оказавшись приблизительно на расстоянии четырехсот шагов от животных, Хокенс остановил свою кобылу. Бизоны паслись, медленно продвигаясь вперед. Ближе всех к нам находился старый бык, гигантские размеры которого просто поражали: около двух метров в высоту и трех – в длину. Тогда я не умел по виду бизона определять его вес, но теперь сказал бы, что он весил больше тонны – чудовищная гора мяса и костей! Животное комфортно чувствовало себя в грязной луже, на которую случайно набрело.

– Вожак, – шепотом пояснил Сэм, – самый опасный из всего стада. Кто рискнет его потревожить, пусть сначала черкнет завешание. Вон та молодая самка, справа, – то, что надо. Глядите в оба, куда я пушу ей пулю! Туда, сбоку, позади лопатки, прямо в сердце. Самый верный выстрел, если не считать свинцовой пули прямо в глаз. Но кому придет в голову, – если он не сумасшедший, – напасть спереди на бизона, чтобы влить ему в глаз? Оставайтесь здесь и хорошенько спрячьтесь с жеребцом в кустах! Если они меня увидят и побегут, то направятся как раз сюда. Но я запрещаю вам покидать убежище, прежде чем вернусь или позову вас!

---

¹⁹ Сэм имеет в виду амброзию (*греч.* ambrosia) – пищу богов, дававшую им вечную юность и бессмертие.

Он подождал, пока я скрылся среди кустов, затем медленно и бесшумно двинулся вперед. Наблюдать за действиями Сэма мне было крайне любопытно. О том, как правильно охотиться на бизонов, мне доводилось читать не раз. Но одно дело – читать, другое – видеть, как все происходит на самом деле. Мою душу раздирали противоречия. Если прежде я хотел только понаблюдать, то теперь ощущал непреодолимое желание поучаствовать. Пусть Сэм занимается коровой, а я...

Мой конь тоже вел себя беспокойно: пританцовывал – похоже, бизонов видел впервые, – боялся и стремился уйти. Удержать его мне стоило немалых усилий. Неужели мне не удастся заставить его перебороть страх? Я уже начал было сомневаться, но тут все решилось само собой.

Когда до бизонов оставалось шагов триста, Сэм прищепил свою кобылу, которая тотчас во весь опор понесла к стаду. Промчавшись мимо гиганта-вожака, Сэм погнал лошадь прямо к самке, упустившей подходящий момент для бегства. Охотник поравнялся с ней, хладнокровно выстрелил и поскакал дальше. Животное вздрогнуло и опустило голову. Упала ли она, я не заметил, поскольку все мое внимание было обращено в другую сторону.

Огромный вожак выскочил из лужи и устоял на Сэме. Какой мощный зверь! Его огромная башка с выпуклым черепом, широким лбом и короткими, но страшными, загнутыми вверх рогами, густая косматая грива... Картину первозданной необузданной мощи завершал высокий загривок. Существо было крайне опасное, и все же вид неукротимого зверя возбуждал желание помериться с ним силами.

Мой чалый вдруг понес меня прочь из кустарника и свернул влево, но я крепко его взнуздал, и мы помчались направо, к быку, который услышал топот и обернулся. Увидев всадника, бизон резко опустил голову, готовый поднять на рога человека и лошадь. Кажется, Сэм кричал что-то мне изо всех сил, но я даже не имел возможности взглянуть на него.

Вогнать пулю в быка было невозможно, поскольку, во-первых, он слишком неудобно стоял, а во-вторых, конь никак не желал мне повиноваться – от ужаса он летел прямо на гиганта. Бизон расставил ноги и сильным толчком поднял голову, чтобы принять нас прямо на рога, но в тот же миг мне все же удалось повернуть коня чуть в сторону. Широким прыжком чалый вдруг перелетел через бизона, да так, что мои ноги едва не задели его рога. Единственное, что я успел понять, – то, что мы неизбежно летели в лужу, где только что нежился бизон. Я едва успел выдернуть ноги из стремян, как жеребец поскользнулся – и мы грохнулись в грязь. Я до сих пор не могу понять, как все произошло, но в следующий момент я уже стоял возле лужи, крепко сжимая в руке ружье. Бизон обернулся и не очень ловкими прыжками рванулся к чалому, который тоже успел подняться и намеревался обратиться в бегство. Левый бок чудовища был открыт – лучшего момента не будет. Я вскинул ружье. Тяжелый «медведебой» впервые должен был показать себя в деле. Еще один прыжок – и бизон настиг бы чалого. Но в этот момент я спустил курок. Опешивший бык буквально застыл на бегу. Напугал ли его громкий выстрел, или же я удачно попал, разбираться было некогда, а потому я быстро пустил в него вторую пулю. Бизон медленно поднял голову и замычал так, что у меня мороз пробежал по спине. Несколько раз пошатнувшись, он наконец рухнул в траву.

Я едва не вскрикнул, опьяненный славной победой, но меня ждали другие сюрпризы. Чалый, оказавшись без всадника, неся по правому склону, а с противоположной стороны долины во весь опор мчался Сэм, преследуемый еще одним быком, немного меньшим моего вожака.

Известно, что разъяренный бизон не отстает от своего противника, не уступая в скорости лошади. При этом он проявляет немало смелости, хитрости и выдержки – качества, которые в нем вряд ли можно было бы предположить.

И этот зверь, преследовавший Сэма, уже шел за охотником по пятам. Избегая опасности, Хокенсу приходилось выписывать самые рискованные повороты, утомлявшие его кобылу. Было ясно: в таком состязании ей не устоять – срочно требовалась посторонняя помощь.

Не успев убедиться в гибели вожака, я быстро зарядил двустолку и перебежал на противоположный склон. Хокенс успел это заметить и быстро повернул кобылу в мою сторону. Однако это было ошибкой – догонявший бык получил теперь возможность пересечь дорогу всаднику. Я заметил, как бизон пригнул голову. Сильный удар – и всадник вместе с лошадей оказались в воздухе. После ужасного пируэта они свалились на землю, но бизон не отступал, яростно и свирепо бодая их рогами. Сэм что есть мочи взмолился о помощи. Нельзя было терять ни секунды, хотя я и находился на расстоянии примерно в сто пятьдесят шагов. Стоило мне подбежать ближе, я имел бы больше шансов на удачный выстрел, но, прежде чем я это сделаю, Сэм погибнет. Стреляя прямо сейчас, я, конечно, мог бы и промазать, но, по крайней мере, отвлекал выстрелом внимание зверя. Я быстро прицелился чуть ниже лопатки и спустил курок. Бизон поднял голову, словно прислушиваясь, потом медленно повернулся. Заметив меня, он рванулся в мою сторону, но сильно разбежаться так и не смог. И это меня спасло. Когда мне удалось наконец с лихорадочной поспешностью снова перезарядить ружье, между мной и разъяренным животным оставалось не более тридцати шагов. Бежать оно уже не могло и направлялось ко мне медленной рысью, низко опустив голову и выпучив свирепые, налитые кровью глаза. Все ближе и ближе, словно неудержимый рок! Я стал на одно колено и прицелился. Мое движение заставило бизона приостановиться и немного поднять голову, чтобы лучше разглядеть противника. Его глаза оказались как раз перед стволами «медведебоя». Я выстрелил сначала в правый, а затем в левый глаз. Легкая дрожь пробежала по телу зверя, и он рухнул на землю.

Я вскочил, готовый броситься к Сэму, но это оказалось лишним – он уже сам бежал ко мне.

– Эй! – крикнул я ему. – Вы живы? Неужели даже не ранены?

– Цел и невредим, – прозвучало в ответ, – только вот правое бедро побаливает, а может, левое, если не ошибаюсь. Никак в толк не возьму.

– А ваша лошадь?

– Там она. Правда, жива еще, но бык разодрал ей брюхо. Придется пристрелить бедное животное, чтобы не мучилось! Бизон убит?

– Надеюсь. Идемте посмотрим!

Подойдя к туше, мы убедились, что в ней не было никаких признаков жизни. Помолчав немного, Хокенс глубоко вздохнул и сказал:

– Ну и наделал тут шороху этот старый бычина! Бизониха обошлась бы со мной гораздо приветливее. Впрочем, что с быка взять?!

– Как ему в башку пришло связаться с вами?

– Разве вы не видели?

– Нет.

– Я подстрелил корову, а моя кляча помчалась во весь опор. Мне удалось остановить ее только тогда, когда она с разбегу наткнулась на этого монстра. Ему это не пришлось по вкусу, и он решил преследовать меня. Правда, я вогнал в него еще одну пулю из моей Лидди, но она его, похоже, не образумила, ибо он привязался ко мне еще крепче, нежели прежде, чему я, понятно, едва ли обрадовался. Он так меня затравил, что я даже не имел ни малейшей возможности еще раз зарядить ружье. Пришлось отбросить его к дьяволу, чтобы легче управляться с лошадей, если не ошибаюсь. Бедная кляча сделала все, что было в ее силах, но все же недотянула.

– Мне кажется, вы слишком круто повернули! Надо было объехать быка по дуге – так бы вы спасли свою лошадь.

– Спас бы ее? Вы говорите прямо как опытный вестмен! Не ожидал от гринхорна!

– Хо! Гринхорны тоже кое-что могут!

– Да, не будь вас, лежать бы мне тут разодранным на куски вроде моей лошади. Пойдемте к ней.

Состояние клячи Сэма было плачевным. Внутренности свисали из распоротого брюха, бедная лошадка жалобно фыркала от боли. Сэм принес ружье, отброшенное во время схватки, зарядил его и молча пристрелил лошадь. Затем он снял с нее седло и уздечку, сказав:

– Теперь я сам себе конь. Всегда так бывает, когда имеешь дело с диким быком.

– Где же вы теперь возьмете другую лошадь? – спросил я.

– Меня это меньше всего волнует. Поймаю какую-нибудь, если не ошибаюсь.

– Мустанга?

– А как же! Бизоны уже появились – они перекочевывают на юг, значит скоро появятся и мустанги. Я это знаю.

– А меня возьмете?

– Разумеется! Вам и этому надо научиться. Ну а теперь пошли! Поглядим на старого вожака! Может, он еще жив. Такие Мафусаилы²⁰ очень живучи.

Мы подошли к громадной туше. Бизон был мертв, и мы могли как следует разглядеть его. Сэм буквально пожирал гиганта глазами, скорчив при этом невообразимую гримасу. Тряхнув головой, он сказал:

– Немыслимо, прямо-таки необъяснимо! Знаете, куда вы попали?

– Ну куда же?

– Как раз куда надо! Парень был очень стар, и я бы раз десять подумал, прежде чем наброситься на него. Знаете, сэр, кто вы?

– Кто?

– Самый легкомысленный человек на свете!

– Ого! Никогда не отличался легкомыслием!

– Значит, теперь отличаетесь! Понятно? Я ведь приказал вам оставить в покое бизонов, а самому посидеть в кустах. Почему вы не послушали меня?

– Я и сам не знаю...

– Значит, вы способны на беспричинные выкрутасы! Это ли не легкомыслие?

– Не думаю. На такое должна быть важная причина.

– Тогда вы должны ее знать!

– Может, все это оттого, что мне приказали сидеть, а я не выношу приказаний!

– Так! Значит, вы нарочно подвергаете себя опасности, когда вас предупреждают о ней?

– Я отправился на Дикий Запад не для того, чтобы прятаться от опасности!

– Ладно. Но ведь вы пока гринхорн и потому должны быть особо осторожны. Раз уж вам не хотелось следовать за мной, зачем вы взяли за этого гиганта, а не за какую-нибудь там корову?

– Потому, что я хотел поступить по-рыцарски.

– «По-рыцарски»? Гринхорн воображает себя рыцарем, если не ошибаюсь?

Сэм рассмеялся, держась за свой толстый живот, после чего продолжил:

– Прежде чем натянуть рыцарские доспехи, сыграйте роль оруженосца. Для Баярда²¹ или Роланда²² у вас кишка тонка! Найдите себе бизониху и ждите ее по вечерам. Только не увлекайтесь сильно, а то ваш околевший труп может стать добычей койотов и грифов. Когда

---

²⁰ Мафусаил – библейский патриарх, проживший 969 лет.

²¹ Баярд (Пьер де Террайль) – знаменитый средневековый герой, прозванный «рыцарем без страха и упрека».

²² Роланд – легендарный герой эпоса «Песнь о Роланде», участник похода Карла Великого в Испанию в 778 г., погиб в битве с басками в Ронсевальском ущелье.

настоящий вестмен берется за дело, он не спрашивает, по-рыцарски он поступает или нет, главное – будет ли польза!

– Но ведь сегодня так и получилось. Я предпочел быка корове, потому что в нем гораздо больше мяса.

Сэм с недоумением посмотрел на меня и воскликнул:

– Больше мяса? Этот гринхорн ради мяса убил быка! Не сомневаетесь ли вы в моей храбрости из-за того, что я наметил его увесистую подружку?

– Нет! Но я считаю, что выбрать животное посильнее – занятие более достойное!

– Чтобы потом давиться мясом быка? Да уж, в разуме вам не откажешь! Быку этому было, несомненно, лет восемнадцать, если не двадцать! У него только и остались шкура да сухожилия! А его мясо таковым вообще не назовешь – оно жесткое, как дубленая кожа. Варить вам его или жарить придется не один день, а разжевать все равно не удастся. Мало-мальски опытный вестмен, естественно, подстрелит корову, ибо мясо у нее нежнее и сочнее. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что вы за гринхорн? Я даже не успел заметить, как вы совершили это легкомысленное нападение.

Пришлось рассказать старику обо всем подробно. Когда я замолчал, он удивленно взглянул на меня, покачал головой и почти приказал:

– Спускайтесь в долину и ловите своего жеребца! Он еще понадобится для перевозки мяса, которое мы заберем с собой.

Я повиновался, но чувствовал себя немного разочарованным. Он ни словом не обмолвился о моем поступке, чего я, в общем-то, от него не ожидал. Но лично на него я не обижался, поскольку был не из тех, для кого чужая похвала имела принципиальное значение.

Когда я привел коня, Сэм на корточках сидел перед убитой коровой и, успев удалить шкуру с одной из задних ног, ловко вырезал окорок.

– Вот так, – подвел итог он, – отличное жаркое на ужин, такого мы еще не пробовали! Окорок вместе с седлом и уздой погрузим на вашего жеребца. Кстати, мясо достанется только нам с вами, Уиллу и Дику. Если и другие захотят пожевать, пусть сами едут сюда за коровой!

– Если только над ней не успеют потрудиться стервятники и другое зверье.

– О! Какой вы снова умный! Само собой, мы прикроем тушу ветками, а сверху обложим камнями. Только медведь или кое-кто побольше сможет добраться до нее.

Я срезал в кустах едва ли не все толстые ветки и натаскал тяжелых камней. Всем этим мы накрыли тушу, после чего принялись нагружать мою лошадь. При этом я спросил:

– Что же будет с быком?

– А что с него взять?

– Шкуру, например...

– Вы умеете дубить кожу? Я в этом ни черта не смыслю!

– Когда-то я читал, что тушу бизона можно сохранить в специальном тайнике!

– Да? Ну если так, то я вам верю, поскольку все, что читаешь про Дикий Запад, абсолютная правда! Конечно, встречаются вестмены, убивающие зверей ради их шкур. Я такими делами тоже занимался, но с этим покончено. Мне и в голову не придет тащить с собой эту тяжелую шкуру!

Мы отправились в путь и где-то через полчаса прибыли в лагерь, находившийся недалеко от долины, в которой я впервые в жизни подстрелил двух бизонов.

Естественно, в лагере немало удивились, увидев нас пешими, а Сэма вообще без лошади, и принялись расспрашивать.

– Мы охотились на бизонов, и моя старушка отошла в мир иной, – спокойно ответил Хокенс.

– Охотились на бизонов! Бизоны! – слышалось со всех сторон. – Где?

– В получасе езды отсюда. Вот этот окорок мы взяли для себя. Остальное можете взять сами, если хотите.

– Едем прямо сейчас! – воскликнул Рэтлер, делая вид, что между нами ничего не произошло. – Где это место?

– Держитесь нашего следа – и все найдете! Глаз-то у вас более чем достаточно, если не ошибаюсь.

– Сколько же их там было?

– Двадцать.

– А сколько вы убили?

– А, одну корову.

– И все? Куда же делись остальные?

– Поищите их сами! Я не спрашивал у них о том, куда они собрались прогуляться!

– Два охотника, которые из двадцати бизонов убивают только одного! – слышался чей-то пренебрежительный голос.

– Убейте больше, если сможете! Уверен, вы-то уж точно прикончили бы их всех! Там, правда, остались еще два старых, двадцатилетних, быка, убитых вот этим молодым джентльменом.

– Быков? – закричали вокруг. – Стрелять в быков может только настоящий гринхорн!

– Смейтесь над ним, господа, однако на быков все же полюбуйте! Этот парень спас мне жизнь!

– Каким образом?

Они хотели все знать, но Сэм уклонился от дальнейшего разговора.

– У меня нет ни малейшего желания говорить об этом, можете поверить. Пусть он все расскажет сам, если вы проявите благоразумие и отправитесь за мясом с наступлением темноты.

Хокенс был прав, ибо солнце заканчивало свой дневной путь, готовое бесследно раствориться в сумрачной дымке. Однако все знали, что я не собирался выступать в роли рассказчика, а потому они оседлали лошадей и быстренько отправились в путь. Я подчеркну, что отправились именно все, поскольку ни один из них не доверял другому. Среди охотников, связанных узами дружбы, существует негласный закон: любая дичь, добытая одним из них, принадлежит всем. У этой банды подобное чувство солидарности напрочь отсутствовало. Позже мне рассказывали, как они, будто дикари, набросились на корову, и каждый, осыпая проклятиями другого, старался отрезать себе кусок побольше да пожирнее.

Когда они уехали, мы освободили лошадь от ноши, и я отвел ее в сторону, чтобы разнуждать и привязать к колышку. Это заняло некоторое время, которым воспользовался Сэм, чтобы рассказать Паркеру и Стоуну о наших приключениях. Между ними и мной стояла натянутая палатка, моего приближения они заметить не могли. Когда я закончил с делами и подошел к палатке, я вдруг услышал восхищенный голос Сэма:

– Поверьте мне, дело было так! Парень взялся за самого здорового бычару и убил его, как это делает старый, опытный охотник! Я, конечно, сделал вид, что считаю это мальчишеством, и хорошенько отчитал его. Но я-то отлично знаю, что из него выйдет толк!

– Похоже, быть ему настоящим вестменом! – узнал я голос Стоуна.

– В самом ближайшем будущем! – подтвердил Паркер.

– Ну хватит, – прервал их Хокенс. – Я вижу, друзья, что он просто создан для этого! А его физическая сила! Вчера он тащил фуру, в которую мы впрягаем волов, и совершенно без посторонней помощи! Ударь он кулаком по земле – так на том месте трава вообще расти не будет! Ладно, вы мне должны кое-что обещать!

– Ты о чем? – спросил Паркер.

– Он ни в коем случае не должен знать, что мы о нем думаем!

– Почему?

– Зазнается еще!

– Вряд ли...

– Парень он, правда, скромный и вроде не расположен нос задирать, но никого и никогда не следует хвалить: так можно испортить даже самый хороший характер. Зовите его гринхорном – а он таковой и есть! – хотя и обладает всеми чертами настоящего вестмена, правда в зачаточном состоянии. Ему еще многому надо научиться и многое испытать.

– Ты хоть спасибо сказал ему за спасение?

– И не собираюсь! Меня совершенно не интересует, что он подумает, совершенно! Разумеется, он меня считает самым неблагодарным чурбаном на свете, но это дело второе, если не ошибаюсь. Самое главное, что он себя не превозносит и остается таким, какой есть.

– Похоже, мозги свои ты совсем отморозил...

– Что? Очень дружелюбно с твоей стороны. Сейчас не время болтать. Да и речь не о тебе! Мы, кажется, говорили о гринхорне. Так вот, когда окорок будет готов, он получит лучший, самый сочный кусок. Я сам его отрежу. Он его вполне заслужил. А знаете, что я сделаю завтра?

– Что? – усмехнулся Стоун.

– Доставлю ему большую радость.

– Чем же?

– Дам ему поймать мустанга.

– Хочешь поохотиться на лошадек?

– Да, мне нужна лошадь. И ты одолжишь мне свою на время охоты. Сегодня появились бизоны, значит завтра придут мустанги. Сдается мне, мы поедем в прерию, где позавчера проводили измерения. Там лучшее пастбище для мустангов, если они только появятся здесь...

Дальше слушать я не стал, а отошел чуть назад, продрался сквозь кусты и появился перед троницей с другой стороны. Охотники не должны были знать, что я в курсе их разговора, не предназначенного для моих ушей.

Вскоре развели костер, возле которого воткнули в землю две толстые рогатки. На них положили крепкий прямой сук, он нам послужит вертелом. Трое вестменов насадили на него окорок, после чего Сэм взял остальную работу на себя, принявшись с усердием знатока вращать палку. Больше всего меня забавляло его по-детски радостное выражение лица.

Когда остальные вернулись в лагерь, они тут же последовали нашему примеру и разожгли костер. Однако у них все обошлось не столь мирно, как у нас. Мяса они привезли немало, но каждый стремился жарить отдельно для себя и при этом многим просто не хватило места. В конце концов им пришлось съесть свои порции полусырыми.

Самый лучший кусок – фунта эдак на три – действительно достался мне, и я съел его целиком. Любый посчитал бы меня обжорой, хотя я всегда ел меньше других, находившихся в моем положении. Тому, кто сам не испытал подобной жизни, трудно представить, сколько мяса может или даже должен потреблять вестмен.

Во время еды вестмены живо принялись обсуждать подробности нашей охоты. Из разговоров выяснилось, что, увидев убитых бизонов, они несколько изменили мнение обо мне и моей «глупости».

Следующим утром я почти уже взялся за работу, как вдруг заявился Сэм и сказал:

– Оставьте ваши инструменты в покое, сэр! Сегодня будет кое-что получше.

– О чем вы?

– Скоро узнаете... Седлайте жеребца – сейчас же едем!

– Прогуляться? А работа?

– Тьфу! Вы еще не натрудились? Думаю, что к обеду вернемся. Тогда можете измерять и вычислять, сколько душе угодно!

Я предупредил Банкрофта, после чего мы отправились в путь. Всю дорогу Сэм вел себя как-то очень странно, а я, естественно, молчал о том, что уже знаю его намерение. Мы ехали по уже знакомой нам дороге, пока не достигли долины, имевшей четыре английские мили в длину и две в ширину. Со всех сторон ее окружали поросшие лесом холмы, а посередине бежал широкий ручей, питающий влагой буйно разросшуюся траву. С севера сюда можно было попасть только через узкий проход между двумя вершинами, а на юге прерия переходила в долину, по которой мы сюда и приехали.

Когда мы прибыли на место, Сэм Хокенс окинул равнину изучающим взглядом и направил коня дальше, вверх по ручью. Вдруг он резко осадил животное, спешил и, перескочив через ручей, стал тщательно осматривать примятую траву. Через несколько минут он молча снова вскочил в седло и двинулся дальше, но уже не на север, а под прямым углом на запад, так что вскоре мы оказались в западной части долины. Здесь Сэм слез с коня и, стреножив его, пустил пастись. С момента обнаружения следа вестмен не промолвил ни слова, но на его бородатом лице, словно луч солнца, блеснула улыбка явного удовлетворения. Только теперь охотник обратился ко мне:

– Слезайте, сэр, и хорошенько привяжите своего чалого! Подождем здесь.

– Но зачем же крепко его привязывать? – якобы удивленно спросил я Сэма, хотя отлично знал, в чем дело.

– Иначе вы легко можете его лишиться. Частенько бывало, что лошади в таких случаях удирали.

– В каких?

– Не догадываетесь?

– Нет.

– Может, угадаете?

– Мустанги?

– Хе! Как это вы вдруг догадались? – спросил он, удивленно уставившись на меня.

– Читал когда-то о том, что домашние лошади, если их крепко не привязать, охотно уходят с дикими мустангами.

– Дьявол вас возьми! Все-то вы читали – ничем вас не удивишь!

– А вы хотели меня удивить? Охотой на мустангов?

– Конечно!

– Вряд ли удалось бы! Удивить можно только тем, о чем ничего не знаешь. А вам все равно пришлось бы рассказать мне обо всем до прихода мустангов.

– Соображаете, хм... Так знайте: мустанги уже побывали здесь!

– Это их следы мы видели по дороге?

– Да! Они вчера здесь прошли. Передовой отряд, разведка, стало быть! Поверьте мне, мустанги в высшей степени умные животные. Их маленькие отряды всегда идут впереди и по бокам табуна. У них есть свои офицеры, прямо как в армии, а вожаком всегда выбирают самого опытного, сильного и смелого жеребца. Пасутся они на одном месте или кочуют, но табун всегда окружен жеребцами, за которыми идут кобылы, и только в самой середине находятся жеребята. Я уже вам рассказывал, как ловят мустанга с помощью лассо. Помните?

– Само собой!

– Хотите поймать хотя бы одного?

– Разумеется.

– Сэр, к полудню вы получите такую возможность!

– Благодарю, но я не воспользуюсь ею.

– Что? Дьявольщина! Почему?

– Конь мне не нужен.

– Разве настоящий вестмен спрашивает, нужен ему конь или нет?

– В моем представлении благородный вестмен выглядит иначе.

– И как же?

– Вчера вы рассказывали о белых горе-охотниках, убивающих сотни бизонов вовсе не ради мяса. Я уверен, что это наносит вред животным и индейцам, ведь мы лишаем их пропитания. Согласны со мной?

– Конечно!

– То же самое и с лошадьми. Не хочу понапрасну лишать свободы ни одно из этих прекрасных животных. Зачем? Мне конь не нужен.

– Bravo, bravo, сэр. Именно так должен думать, говорить и поступать каждый нормальный христианин. Только с чего вы взяли, что лишите свободы мустанга? Это всего лишь удобный случай на практике проверить то, чему я вас учил. Хочу испытать вас!

– Тогда другое дело. Согласен.

– Вот и прекрасно! Мне-то ведь в самом деле нужна хорошая верховая лошадь. Ладно, вернемся к делу. Я твердил вам сотню раз и повторю снова: самое главное – крепко держаться в седле и суметь осадить коня в тот момент, когда натянется лассо и вы почувствуете рывок, иначе окажетесь на земле, а мустанг унесет вас за собой. Тогда быть вам, сэр, жалким пехотинцем вроде меня.

Он хотел продолжить, но прервался, указав рукой в сторону упомянутых вершин, находившихся в северной части прерии. Там виднелся одинокий конь. Он мелкой рысью бежал вперед, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и втягивая ноздрями воздух.

– Видите? – шепнул Сэм, от волнения заговоривший совсем тихо, хотя лошадь никак не могла нас услышать. – Я же предупреждал вас, что они придут! Это – разведчик, осматривающий местность, чтобы убедиться в ее безопасности. Хитер! Как извивается и крутится во все стороны! Но нас ему не заметить – ветер дует нам навстречу. Потому я и выбрал это место.

Мустанг повернул назад и прибавил ходу. Он бежал то прямо, то забирая влево или вправо, пока не скрылся там же, откуда и появился.

– Наблюдали за ним? – спросил Сэм. – Какой молодец! Каждый куст использовал для защиты, чтобы не оказаться замеченным! Даже краснокожий разведчик вряд ли проделает это лучше! Сейчас он вернется к своему четвероногому генералу с рапортом, что воздух чист. Но они ошибаются! Готов поспорить, что через десять минут все они будут здесь. Смотрите в оба! Знаете, как мы поступим?

– Ну?

– Скорее возвращайтесь к выходу из долины и ждите меня. Я поеду вниз, к другому ее концу, и спрячусь там, в лесу. Я пропущу табун, потом сзади погоню его к вам. Мустанги бросятся наверх, к выходу, а вы перекройте им путь, да так, чтобы они повернули назад. Так мы сможем гонять коней из одного конца в другой, пока не выберем и не поймем двух лучших жеребцов. Из них я выберу себе самого лучшего, а остальным мы предоставим полную свободу. Согласны?

– Вы еще спрашиваете? Я и понятия не имею о том, как охотятся на мустангов, но вы – мастер своего дела! Повинуюсь вам беспрекословно.

– Ладно, вы правы! Диких мустангов объездил я немало, и вы не ошиблись, употребив слово «мастер». За дело, время не ждет, иначе все прозеваем.

Мы опять сели на лошадей и разъехались: он – на север, я – на юг. Я прекрасно понимал, что тяжелый «медведебой» будет мешать мне, и с удовольствием избавился бы от него, но вспомнил главную заповедь вестмена: с оружием можно расстаться лишь тогда, когда абсолютно уверен в безопасности. Сейчас же в любую минуту мог появиться либо индеец, либо какой-нибудь хищный зверь, поэтому я только подтянул ремень на плече, чтобы во время скачки старое ружье не колотило по спине.

Мне не терпелось увидеть мустангов. Остановившись на опушке леса, примыкающего к долине, я собрал лассо в петли и удобно расположил под правой рукой, чтобы в любой момент метнуть его, не забыв, конечно, привязать конец веревки к луке седла.

Не прошло и четверти часа, как я увидел вдалеке массу темных точек, увеличивающихся по мере приближения к моей засаде. Сначала они казались воробьями, потом кошками, собаками, телятами, пока не приблизились настолько, что я разглядел их настоящую величину. Это были дикие мустанги, в экстазе погони мчавшиеся прямо на меня.

Зрелище было впечатляющим! Длинные гривы, словно пламя, развевались вокруг шей, пышные хвосты, подобно пучкам перьев, разлетались по ветру. Животных было не более трех сотен, но земля, казалось, дрожала под их копытами! Восхитительный белый жеребец буквально парил впереди всех. Его, конечно, можно было бы поймать, но ни одному охотнику прерий не взбрдет в голову сесть на белого коня – ведь он выдаст хозяина любому врагу!

Пришло время выходить из засады. Я быстро выбрался из лесной чащи, чем вызвал немалый переполох. Белый вожак отпрянул, будто в него попали пулей, и табун мгновенно остановился – слышно было лишь испуганное фыркание. Через несколько секунд весь табун повернул назад, а вожак оказался уже на другом конце. Мустанги помчались обратно.

Я медленно двинулся за ними. Спешить мне было незачем, поскольку я рассчитывал, что Сэм снова направит их на меня. При этом я пытался объяснить себе одно удивившее меня обстоятельство. Хотя дикие лошади появились передо мной лишь на мгновение, мне показалось, что одно животное было мулом, а не мустангом. Я мог и ошибиться, но все же полагал, что хорошо разглядел его. Во второй раз я решил быть более внимательным. Мне запомнилось, что мул находился в первом ряду, как раз за вожаком. Значит, мустанги считали его не только ровней себе, он, по-видимому, занимал какое-то особое положение в их среде.

Вскоре табун снова двинулся мне навстречу, но, увидев меня, опять повернул обратно. Такое повторилось еще раз, и я понял, что не ошибся: среди мустангов находился светло-коричневый мул с темной полосой на спине. Несмотря на большую голову и длинные уши, он казался красивым животным. Мул менее требователен, чем конь, у него более уверенная поступь, и он никогда не испытывает головокружения над пропастью. Все эти преимущества на Диком Западе имеют немалое значение. Правда, животное это очень упрямо. Я видел мулов, позволяющих избивать себя чуть не до смерти, но недвигающихся с места, несмотря на отличную дорогу и отсутствие всякой поклажи, просто потому, что они не желали идти!

В какой-то миг мне даже показалось, что в глазах у этого мула светилось больше ума, чем у лошадей. И тут я решил поймать его. Наверное, он просто сбежал от своего хозяина, примкнув к табуну диких лошадей.

Тем временем Сэм снова погнал стадо на меня. Расстояние между нами было совсем маленьким – мы могли видеть друг друга. Теперь оба пути для мустангов были отрезаны. Они ринулись в сторону, мы – за ними. Табун разделился, а я заметил, что мул остался в главном стаде и мчался бок о бок с вожаком. Я погнался за ними. Сэм, казалось, тоже положил на них глаз.

– Загоняйте их в середину: я – слева, вы – справа! – заорал он.

Пришпорив лошадей, мы не только не отстали от мустангов, но нагнали их раньше, чем они достигли леса, перед которым опять повернули и хотели проскочить между нами. Стремясь помешать этому, мы ринулись навстречу друг другу. Мустанги рассыпались во все стороны, подобно курам, спасающимся от ястреба. Белый вожак и мул, отделившись от других, промчались между нами. Мы погнались следом. Сэм, размахивая лассо над головой, воскликнул:

– Опять этот гринхорн! Быть вам таким до конца дней своих!

– Почему?

– Потому, что ловите белого жеребца, а это может сделать только гринхорн!

Ответ мой он не услышал – его громкий смех заглушил мои слова. Значит, он думает, что я наметил жеребца. Пусть думает! Я предоставил ему мула, а сам помчался к остальным мустангам, с испуганным фырканием и ржанием мчавшимся в беспорядочном смятении по долине. Сэм настолько приблизился к мулу, что ему удалось забросить на него лассо. Прицел был верный – петля обвилась вокруг шеи животного. Хокенс придержал свою лошадь и попятился с нею назад, чтобы устоять против толчка, когда лассо туго натянется. Однако проделал он это недостаточно быстро, и его лошадь, не успевшая занять устойчивое положение, от сильного толчка упала на землю. Сэм, лихо перевернувшись в воздухе, свалился навзничь. Лошадь его быстро поднялась и побежала дальше, лассо снова ослабло, и мул, крепко стоявший на ногах, ощутил свободу действий. Он помчался что есть мочи в прерию, увлекая за собой и лошадь Сэма, к луке седла которой было приторочено лассо.

Я поспешил к Сэму, желая узнать, жив ли он. Не успел я приблизиться, как он уже вскочил на ноги и испуганно вскричал:

– К дьяволу их всех! Кляча Дика, пожалуй, сейчас смоемся вместе с мулом! Даже не попрощавшись, если не ошибаюсь!

– Вы не ранены?

– Нет. Слезайте быстро с коня и дайте его мне. Я должен поймать их!

– И не подумаю! От ваших кувырков все лошади разбегутся!

Я во весь опор погнал своего жеребца следом за мулом, который уже отбежал на порядочное расстояние. Издали я видел, как у упрямца с кобылой что-то не заладилось: он рвался в одну сторону, та – в обратную. При этом они оставались рядом – мешало лассо. Я быстро нагнал обоих, но раскручивать свое лассо не собирался, а схватился за то, которое связывало обоих животных. Обмотав его несколько раз вокруг руки, я пребывал в полной уверенности, что мне удастся обуздать мула. Тот продолжал бежать, а я мчался позади, постепенно натягивая ремень, чтобы потуже стянуть петлю. Через пару минут я довольно хорошо научился управлять мулом. Разными уловками и мнимыми уступками я заставил его пробежать по дуге и вернуться к тому месту, где находился Сэм. Тут я резко и сильно затянул петлю – у мула сперло дыхание, и он свалился на землю.

– А ну, держите этого плута, пока я не скажу отпустить его! – закричал Сэм, подскочивший к мулу и ставший рядом.

Поверженное животное что есть мочи отбивалось копытами.

– Хватит! – не без улыбки сказал мне Сэм.

Я отпустил лассо. Мул перевел дух и вскочил, но еще быстрее Сэм оказался у него на спине. Упрямое животное на миг застыло от испуга, а потом принялось подбрасывать Сэма в воздух. Это не удалось, и тогда мул внезапно прыгнул в сторону, по-кошачьи выгнув спину, однако Сэм держался крепко.

– Теперь он сделает последнюю попытку и помчится со мной в прерию. Ждите меня здесь, я приведу его покорным! – заверил меня Сэм Хокенс.

Но он ошибся. Мул не стал мчаться в прерию, а бросился на землю и принялся по ней кататься. Чтобы не переломать все ребра, Сэму пришлось выскользнуть из седла. Я тоже спрыгнул с жеребца, схватил волочившийся по земле конец лассо и дважды обвил им ствол ближайшего дерева. Мул, сумевший освободиться от всадника, вскочил на ноги и хотел было обратиться в бегство, но ствол оказался крепким. Лассо натянулось как стрела, а животное снова рухнуло на землю.

Сэм Хокенс, отскочивший в сторону и убедившийся в целостности своих ребер, сказал:

– Отпустите бестию! Никому не обуздать этого упрямца, если не ошибаюсь!

– Вот еще! Чтобы меня пристыдил потомок осла, а не джентльмена! Нет, он будет подчиняться. Смотрите!

Отвязав лассо от дерева, я стал прямо над животным, широко расставив ноги. Получив передышку, мул тотчас вскочил и поднял меня вверх. Теперь все зависело от того, насколько крепко я смогу сдавить его бока; в этом я, пожалуй, превосходил маленького Сэма. Под шенкелями всадника ребра животного давят на внутренности, вызывая смертельный страх. Мул попытался сбросить меня тем же способом, что и Сэма, но я подхватил свисавшее у него с шеи лассо, скрутил его и ухватился за веревку возле самой петли. Как только я замечал, что мул собирается броситься на землю, я затягивал петлю. Прodelывая это и продолжая сдавливать ему ребра, я сумел удержать мула на ногах. Между нами шла тяжелая борьба. Пот катил с меня градом, а мул взмок еще больше, изо рта у него хлопьями падала пена. Движения упрямыа постепенно ослабевали и становились произвольными, а его злобное фырканье перешло в короткий хрип. Наконец ноги его подкосились, и он рухнул на землю, истощив последние силы.

Окинув взглядом животное, лежавшее неподвижно с безумно вытаращенными глазами, я смог перевести дух. Усталость была смертельная.

– Бог мой, да вы сильнее зверя! Если бы вы только могли сейчас увидеть свое лицо! – Восторг Сэма не знал границ. – Глаза вот-вот выпрыгнут из орбит, губы распухли, того и гляди брызнет кровь.

– Ничего удивительного, такое бывает с гринхорном, когда он не позволяет себя сбросить, пока опытный мустангер валяется на земле, да еще отпускает собственную кобылу на прогулку по прерии.

Тут Сэм скорчил жалкую гримасу и примирительно заметил:

– Помолчите, сэр! Уверяю вас, такое может случиться даже с самыми опытными охотниками. А вы – везунчик. И вчера и сегодня.

– Надеюсь, удача и впредь не покинет меня. А вот о вас такого не скажешь. Как там у вас с ребрами и косточками?

– Пока не знаю. На досуге соберу их и посчитаю, а пока пускай себе бренчат. Такая бестия мне еще не попадалась! Похоже, теперь он... Эй, это ведь мулица!

– Точно. Смотрите, как бедняжка измучена. Пусть отдохнет, потом ее оседлаем, и вы поедете на ней домой.

– А если опять взбрыкнет?

– Не тревожьтесь! Она, кажется, уже смирилась, и у вас теперь замечательная лошадка.

– Я тоже так думаю! Она мне сразу приглянулась. А вот белый жоак... Глупо с вашей стороны за ним гоняться!

– Тут вы ошибаетесь. Я тоже выбрал мула, поскольку понимаю, что вестмену белый конь только в обузу. Помогите мне поднять мулицу на ноги.

Пока мы поднимали мулицу, та вела себя смирно, хотя и дрожала всем телом. Не противилась она и потом, когда мы начали ее седлать. А когда Сэм сел на нее, мулица покорно и чутко слушалась узды, будто хорошо обьезженная лошадь.

– У нее раньше был хозяин, – заметил Сэм, – должно быть, хороший наездник. Это чувствуется. Она, наверное, сбежала от него... А знаете, как я ее назову?

– Ну?

– Мэри. Раньше у меня была уже одна Мэри, и мне незачем утруждать себя поисками другого имени.

– Стало быть, мул Мэри и ружье Лидди!

– Точно. Милейшие имена, не правда ли? А теперь сделайте мне одно одолжение.

– Охотно исполню вашу просьбу.

– Не надо никому рассказывать о происшедшем! Поверьте, я сумею оценить ваше молчание.

– Само собой разумеется! Не стоит и говорить об этом.

– И все же! Хотел бы я слышать смех этой банды в лагере, если бы она узнала, как Сэм Хокенс заполучил себе прелестницу Мэри! Вот была бы для них потеха! Если будете держать язык за зубами, я...

– Прошу вас, хватит об этом! – перебил его я. – Вы мой учитель и друг. К чему все эти разговоры?

Его маленькие плутоватые глазки блеснули, и он восторженно воскликнул:

– Да, я ваш друг, сэр, и если бы я знал, что вы хоть немножко мне симпатизируете, это было бы для меня, старика, большой радостью!

Протянув ему руку, я сказал:

– Такую радость я могу вам доставить, дорогой Сэм! Вы для меня... ну, почти как хороший, бравый, почтенный дядя! Вам этого достаточно?

– Вполне, сэр, вполне! Я восхищен и готов тут же чем-нибудь угодить вам в свою очередь...

– Успокойтесь! – снова перебил его я. – Вы столько раз оказывали мне разные услуги, что я и в будущем ваш должник. А пока нам лучше поспешить в лагерь! Мне надо работать!

– Работать! А здесь что вы делали? Если это не работа...

Я не стал отвечать, привязал лошадь Дика к своей, и мы отправились в путь. Мустанги, конечно, давно уже скрылись. Мул покорно повиновался всаднику, а Сэм всю дорогу продолжал восторгаться:

– Она прекрасно вышколена, эта Мэри! С каждым шагом убеждаюсь, что у меня будет отличная лошадка. Вот сейчас эта умница тихонько вспоминает все, что когда-то умела и что в стаде мустангов у нее вылетело из головы. Похоже, у нее есть не только темперамент, но и характер.

– А если еще нет, у вас она пройдет великолепную выучку. Она еще не так стара.

– Сколько ей лет, как вы думаете?

– Лет пять, не больше.

– Я тоже так полагаю. Потом установим поточнее. За Мэри я обязан только вам. Вот так денечки! Сколько событий – недобрых для меня и славных для вас! Разве вы когда-нибудь думали, что так быстро изучите охоту на мустангов вслед за охотой на бизонов?

– Почему бы и нет? Здесь, на Западе, можно всего ожидать. Полагаю, это не последняя охота.

– Хм, да. Надеюсь, что и в будущем вы останетесь целы и невредимы. Еще вчера ваша жизнь висела на волоске! Все это из-за вашей безрассудной отваги. Не стоит забывать, что вы еще гринхорн! Вы еще слишком неопытны и недооцениваете противника. Будьте осторожнее и не слишком полагайтесь на свои силы! Охота на бизонов – дело крайне рискованное. Правда, есть один вид охоты, который еще опаснее!

– А именно?

– Охота на медведя.

– Надеюсь, речь не идет о черном медведе с желтой мордой?

– Вы о барибале?²³ Конечно нет! Это очень добродушный, миролюбивый зверь, его даже можно научить гладить белье и рукодельничать. Нет, я имею в виду гризли – серого медведя Скалистых гор! Когда он стоит на задних лапах, то фута на два выше вас. Одним укусом превратит вашу голову в кашу, а если рассвирепеет, не успокоится, пока не разорвет вас в клочья! Вы, наверное, читали о нем?

– Читал.

– Не дай бог с ним свидеться!

---

²³ *Барибал* – черный медведь, обитающий в Северной Америке.

– Я понимаю, он опасен, но даже на дикого зверя можно найти управу. В том числе и на гризли.

– Вы и это в ваших книжках прочитали?

– Конечно.

– Хм, сдается мне, книжки ваши во всем виноваты! Хотя вы, сэр, человек разумный, если не ошибаюсь, у вас, чего доброго, хватит ума сразиться с серым медведем, как вчера с бизоном. Нападать на гризли – верное самоубийство!

– Не совсем так. Если зверь застанет меня врасплох, если не будет времени для бегства, придется обороняться. А если он бросится на моего друга, я приду на помощь. А вообще, я не прочь просто поохотиться на серого медведя, хотя бы для того, чтобы испытать себя. Говорят, медвежьи лапы – настоящий деликатес.

– Вы безнадежно неисправимы – я боюсь за вас! Молите Господа, чтобы не пришлось поближе познакомиться с этими лапищами! Впрочем, вкус у них в самом деле отменный. Это вам не бизоний окорок.

– Трястись за меня не стоит. А здесь водятся гризли?

– А куда же они денутся? Они живут в основном в горах, но иногда спускаются вдоль рек в долины. Ну хватит об этом!

Мы оба в тот момент и не подозревали, что разговор о гризли возобновится уже на следующий день и что мы скоро встретимся с этим опасным зверем. Впрочем, у нас вообще не было времени продолжать разговор, поскольку мы уже прибыли в лагерь, который за время нашего отсутствия переместился на порядочное расстояние. Банкрофт и его землемеры вдруг принялись за работу, чтобы показать наконец, на что они способны. Наше появление привлекло всеобщее внимание.

– Мул, мул! – закричали со всех сторон. – Где вы его достали, Хокенс?

– Прислали прямым сообщением, – ответил охотник серьезным тоном.

– Не может быть! Кто прислал его вам, кто?

– В посылке прибыл, что по два цента за фунт. Хотите посмотреть на упаковку?

Кто-то тупо расхохотался, кто-то начал ругаться, но Сэм достиг своей цели: его больше не расспрашивали. Рассказал ли он обо всем Стоуну и Паркеру, я так и не понял, ибо вестмен тотчас же принялся за измерительные работы.

Вообще, дело у нас спорилось, и на следующее утро мы смогли приступить к измерению той самой долины, где произошла моя встреча с бизонами. Когда вечером зашел об этом разговор, я справился у Сэма, не мешают ли нам бизоны, которые, очевидно, часто там проходят. На это Сэм ответил:

– Не волнуйтесь, сэр! Буйволы не глупее мустангов. Тот бизоний «форпост», с которым мы столкнулись, успел вернуться и предупредить все стадо. Будьте уверены, оно пойдет теперь в другом направлении.

Утром мы перенесли лагерь в верхнюю часть долины. Хокенс, Стоун и Паркер не принимали в этом участия: первый решил объездить свою Мэри, а двое других сопровождали его в долину, где был пойман мул; именно там, подальше от посторонних глаз, Сэм хотел осуществить свой план.

Мы, землемеры, занялись укреплением вешек, при этом нам помогали несколько подчиненных Рэтлера, хотя сам он слонялся вокруг без дела. Во время работы мы вплотную подошли к тому месту, где я убил бизонов. К великому моему изумлению, туши старого вожака там не оказалось. Подобравшись ближе, мы увидели широкий след, ведущий к кустам: трава здесь была примята полосой около двух локтей в ширину.

– Дьявольщина! – сокрушенно воскликнул Рэтлер. – Когда мы приезжали сюда за мясом, я хорошенько осмотрел бизонов: все они были мертвы. Значит, в этом старом вожаке все еще тлела жизнь!

– Вы уверены? – спросил я его.

– Разумеется! Или вы полагаете, что уже околевший бизон мог удалиться?

– Почему удалиться? Его могли удалить. Индейцы, например. Мы уже видели след красного.

– А-а, вот оно что! Гринхорн иногда может мыслить мудро! Если бизона унесли индейцы, откуда они сами-то взялись?

– Откуда-нибудь.

– Совершенно верно. Наверное, с неба упали – следов-то не видно! Нет, бизон был еще жив и, очнувшись, уполз в кусты. Он и сейчас там лежит, околевший. Идем поищем его!

Рэтлер со своими людьми двинулся прямо по странным следам. Вероятно, он думал, что и я отправлюсь следом, но мне не понравился его насмешливый тон, и я решил остаться. Кроме того, мне в принципе было совершенно все равно, куда девалась туша. Я снова принялся за работу, но не успел взять в руки колышек, как в кустах раздались испуганные крики, грохнуло два-три выстрела и донеслось приказание Рэтлера:

– Эй, всем на деревья! Живей! На дерево ему не влезть!

Не успел я подумать, о ком это шла речь, как один из его спутников с шумом продрался сквозь кусты. Он выделял такие прыжки и пируэты, каких можно ожидать только от напуганного насмерть человека.

– Что случилось? – крикнул я ему.

– Медведь, огромный... серый гризли! – прохрипел он, пробегая мимо.

В тот же миг кто-то заорал не своим голосом:

– На помощь! Он схватил меня!

Опасность, похоже, действительно была нешуточной. Нужно помочь! Но как? Свое ружье я оставил в палатке, поскольку оно мешало при работе. Это не было неосторожностью с моей стороны – ведь нас, геодезистов, по идее, должны были защищать вестмены. Если бы я побежал сначала к палатке, то медведь успел бы разорвать несчастного в клочья. Я принял решение немедленно бежать на выручку, хотя имел только нож да два револьвера за поясом. Но что это за оружие против гризли, близкого родственника вымершего давно пещерного медведя. Порой гризли достигает десяти футов в высоту, да и весит немало. Серый великан обладает такой силой, что способен бежать рысью, держа в пасти оленя, жеребенка или молодого бизона. Невероятная сила, безумная ярость и необыкновенная выносливость делают его практически неуязвимым. Только на очень хорошей лошади всаднику удастся спастись от этого зверя. Убить гризли – для индейца настоящий подвиг.

Итак, я бросился в кустарник. Следы вели все дальше, к деревьям. Очевидно, медведь оттащил бизона именно туда. Оттуда же пришел и он сам. Мы раньше не видели следов, потому что их стерла туша огромного бизона. Позади были слышны крики землемеров, бежавших к палаткам за оружием, впереди голосили вестмены, и среди всего этого гама разносился переносимый вой, издаваемый жертвой медведя.

Каждый прыжок приближал меня к месту трагедии. Я уже различал рев медведя, – точнее, это не был рев, ибо именно его отсутствием этот громадный зверь и отличается от других своих собратьев. Он не ревет, как многие, от боли или злобы; единственный звук, издаваемый им, – своеобразное громкое и прерывистое сопение и фырканье.

И вот я у цели. Передо мной лежала разодранная на куски бизонья туша, справа и слева меня окликали вестмены, успевшие укрыться на деревьях и чувствующие себя в сравнительно безопасности, поскольку гризли почти никогда не влезает на деревья. Напротив меня, с другой стороны от бизоньей туши, один из вестменов, обхватив обеими руками ствол, навалился верхней частью туловища на нижний сук. Очевидно, пытаясь взобраться на дерево, он все же оказался в объятиях медведя, который, став на дыбы, яростно раздирал ему передними лапами бок. Бедняга был обречен на верную смерть. Я, в сущности, не мог помочь ему, и, если

бы даже убежал, никто не посмел бы упрекнуть меня в этом. Однако ужасная картина, представшая моим глазам, подействовала на меня совершенно иначе.

Подхватив одно из брошенных ружей, я быстро вскинул его, но, к сожалению, заряда в нем не оказалось. Тогда я схватил оружие за ствол, перескочил через бизона и изо всей силы ударил медведя прикладом по огромной голове. Что тут сказать! Ружье разлетелось, словно стекло, на множество осколков – к такому черепу и с топором не подступишься! И все же я достиг некоторого эффекта – отвлек внимание гризли от жертвы. Зверь медленно повернул голову, словно недоумевая по поводу моего глупого наскока, и в этом движении сказалось его отличие от хищников кошачьей и собачьей породы, которые сделали бы это гораздо быстрее. Оглядев меня маленькими глазками, он, похоже, обдумывал: разделаться с первой жертвой или же приняться за следующую. Заминка спасла мне жизнь, ибо за это время у меня мелькнула мысль – единственная, которая могла спасти из ситуации, в которой я находился.

Выхватив револьвер, я подскочил со спины к медведю, который продолжал глядеть на меня, повернув голову, и четыре раза подряд выстрелил ему прямо в глаза. Точно так же, как в случае со вторым бизоном, которого я уложил недалеко отсюда. Все это произошло очень быстро, а в следующий миг я уже отпрыгнул далеко в сторону и, вытащив нож Боуи, застыл на месте.

Сделай я это чуть позже – заплатил бы жизнью, ибо ослепленный зверь тотчас оставил дерево в покое и метнулся туда, где я только что находился. Не найдя меня, он, злобно фыркая и бешено ударяя лапами по чему попало, принялся искать своего неожиданного противника. Точно взбесившись, гризли кувыркался, рыл землю, прыгал в стороны, размахивал лапами, пытаясь зацепить своего обидчика, однако схватить меня ему не удавалось. Возможно, запах и привел бы его ко мне, но он неистовствовал от ярости и боли, что мешало ему спокойно следовать своему чутью и инстинкту.

В конце концов он отвлекся и занялся своими ранами. Пыхтя и скаля зубы, медведь уселся на задние лапы, а передними стал водить по глазам. Я быстро подскочил к нему и дважды вонзил клинок зверю между ребер. Гризли хотел было схватить меня, но я снова успел улизнуть. Однако в сердце ему я не попал, и медведь с удвоенной яростью пустился за мной в погоню, продолжавшуюся около десяти минут. При этом зверь потерял много крови и заметно ослаб. Потом он опять весь выпрямился, чтобы достать лапами до глаз. Воспользовавшись моментом, я и нанес ему еще два удара подряд, на этот раз более удачных. Хищник грузно опустился на передние лапы и, пока я отскакивал в сторону, помчался куда-то вперед, шатаясь и фыркая. Затем – опять в сторону, и – снова обратно. Он хотел еще раз подняться на задние лапы, но сил у него не хватило, и он упал. Тщетно стараясь встать, он несколько раз перекатылся с одного бока на другой, пока наконец не вытянулся и не затих.

– Слава богу! – раздался с дерева голос Рэтлера. – Околел наконец!

– Спускайтесь на землю! – бросил я ему через плечо.

– Еще рано! Осмотрите сперва гризли – вдруг он жив?

– Он мертв.

– Да вы и понятия не имеете о живучести такого зверя. Ну осмотрите же его!

– Ради вас, что ли? Хотите узнать, околел он или нет, осмотрите его сами! Разве слова неопытного гринхорна что-нибудь значат для вас?

Я повернулся к его спутнику, который продолжал лежать или висеть на дереве в прежнем положении. Он уже не кричал и не двигался. Его лицо было искажено до неузнаваемости, а остекленевшие глаза смотрели сквозь меня. Ключья мяса висели у него от бедра до щиколотки, а из живота вываливались внутренности. Я пересилил овладевший мной ужас и крикнул ему:

– Сэр, отпустите руки! Я сниму вас с дерева.

В ответ – тишина. Он молчал, ни малейшим движением не обнаруживая, что слышит мои слова. Я попросил его товарищей спуститься на землю и помочь мне. Однако знамени-

тые вестмены решились на это только после того, как я несколько раз перевернул медведя и таким образом убедил их в его смерти. Только тогда они помогли мне снять с дерева страшно изуродованную жертву гризли. Сделать это оказалось не просто, поскольку руки несчастного так крепко вцепились в ствол, что мы лишь с невероятными усилиями смогли их отцепить. Конечно, несчастный был уже мертв.

Его ужасная кончина как будто нисколько не подействовала на банду Рэтлера, все ее члены собрались вокруг медведя, и их предводитель сказал:

– Сперва медведь хотел нас сожрать, а теперь и сам пойдет нам на ужин. Эй, ребята, живо за дело! Сначала сдерем с него шкуру, а там доберемся до окорока и лап!

Рэтлер вытащил нож и присел на корточки, готовый действовать. Тут я не выдержал и произнес:

– Не лучше ли вам было бы испытать свой нож на медведе, когда он был еще жив? Сейчас, по-моему, поздновато. Не трудитесь зря!

– Что? – вспыхнул главарь. – Уж не запретите ли вы мне вырезать кусок из этой туши?

– Именно так, мистер Рэтлер!

– На каком основании?

– На том, что это я убил медведя.

– Это вранье. Вы будете утверждать, что гринхорн ножом сможет убить гризли? Мы первыми стреляли по нему, как только увидели!

– А потом взобрались на деревья. Да, это было так, а не иначе!

– Мы попали в него несколько раз! Оттого он и издох в конце концов. А не от пары булавоочных уколов, которые вы нанесли ему, когда он был уже полумертв. Медведь принадлежит нам, и что захотим, то с ним и сделаем! Ясно?

Рэтлер снова собрался приняться за дело, но я предостерег его:

– Оставьте медведя в покое, мистер Рэтлер, иначе я заставлю вас уважать чужое право! Надеюсь, вы меня тоже поняли?

Рэтлер не среагировал, а полоснул ножом по шкуре медведя. И тут я взорвался: схватил его прямо в том положении, как он сидел, поднял и швырнул о ближайшее дерево с такой силой, что оно, кажется, затрещало. В этот момент я разошелся не на шутку, и мне было решительно все равно, что с ним произойдет. Он еще летел к дереву, а я уже выхватил второй заряженный револьвер и был готов к любым неожиданностям. Рэтлер вскочил на ноги, угрожающе махнул ножом и, яростно сверкнув глазами, воскликнул:

– Поплатишься! В третий раз не тронешь!

Он сделал шаг мне навстречу. Я же направил на него дуло револьвера и пригрозил:

– Еще шаг, и я пушу вам пулю в лоб! Уберите нож, а то заржавеет! Считаю до трех. Раз, два...

Рэтлер держал нож крепко, но я на самом деле решил стрелять: если и не в голову, то в руку, поскольку только так мог заставить его себя уважать. К счастью, дело не дошло до стрельбы: в самый критический момент раздался чей-то громкий голос:

– Джентльмены, вы с ума сошли! Должна быть веская причина, чтобы белый белого спроваживал на тот свет. Остановитесь!

Все повернулись в направлении, откуда донеслись слова, и увидели выходящего из-за дерева человека. Он был маленького роста, тощий и горбатый, но одет и вооружен почти как краснокожий. Хотя разобраться сразу, белый он или индеец, было невозможно, резкие черты лица указывали скорее на индейское происхождение. И все же цвет опаленной солнцем кожи выглядел более светлым, нежели у индсмена. Головного убора он не носил, а темные волосы спадали до плеч. Его одежда состояла из кожаных штанов, что носят индейцы, рубахи из такого же материала и грубых мокасин. При себе он имел только ружье и охотничий нож. Прищелец обладал чрезвычайно проницательным взглядом и, несмотря на свой уродливый облик, не

оставлял смешного впечатления. Вообще, только слабоумные и жестокие люди могут морщить нос при виде какого-нибудь физического недостатка. Их не так много, но именно к этой категории принадлежал Рэтлер, который, увидев пришельца, со смехом воскликнул:

– Эй, что это за карлик? Просто урод какой-то! Глазам не верю – разве на прекрасном Западе встречаются такие чучела?

Незнакомец ответил спокойно и с достоинством:

– Благодарите Бога, что у вас руки и ноги на месте! Впрочем, суть не в том, каков человек внешне, а что у него внутри. В этом смысле сравнений с вами мне бояться не стоит!

Он сделал пренебрежительный жест рукой, после чего обратился ко мне:

– Ну и сила у вас, сэр! Едва ли кто сможет повторить ваш опыт и подбросить так высоко этого грузного верзилу! Наблюдать за этим было одно удовольствие! – Незнакомец толкнул тушу медведя ногой и с сожалением продолжил: – Его-то мы и искали! Но поздно... Очень жаль!

– Вы хотели его убить? – спросил я.

– Да. Вчера мы напали на его след и шли по нему, не разбирая ни дороги, ни направления. Когда же наконец добрались до места, оказалось, что работа уже сделана другим.

– Вы говорите «мы», сэр. Вы не один?

– Со мной еще два джентльмена.

– Кто же они?

– Скажу не раньше, чем узнаю, кто вы. Вы должны знать, что в этих местах человек никогда не чувствует себя в безопасности. Здесь встречаешь чаще плохих людей, чем хороших.

Взгляд его скользнул по Рэтлеру и его спутникам, после чего он продолжил дружелюбным тоном, обращаясь ко мне:

– По вашим глазам джентльмена сразу видно, что вам можно доверять. Я слышал конец вашего разговора и теперь хорошо знаю, с кем имею дело.

– Мы геодезисты, сэр, – объяснил я ему. – Главный инженер, четыре землемера, три скаута и двенадцать вестменов, которым положено защищать нас в случае нападения.

– Хм, что касается последнего, то вы, по-моему, в защите не нуждаетесь! Итак, вы землемер?

– Да.

– Что же вы измеряете?

– Новую ветку для железной дороги.

– Она будет здесь проходить?

– Конечно.

– Значит, вы купили эту местность?

Пришелец испепелил меня пронизывающим взглядом, а лицо его приняло совершенно серьезный вид. Создавалось впечатление, будто он имел основание наводить подобные справки, поэтому я ответил:

– Мне поручили принять участие в измерительных работах, и я выполняю их, не вмешиваясь в остальное.

– Хм, так-так! И все же, думаю, вы знаете, в чем дело. Земля, на которой вы стоите, принадлежит апачам племени мескаlero. Могу с полной уверенностью утверждать, что эту землю никому не продавали и не уступали каким-либо иным путем.

– Это вас не касается! – грубо вмешался Рэтлер. – Не надо вмешиваться в чужие дела, позаботьтесь о своих собственных!

– Именно это я сейчас и делаю, потому что я апач и принадлежу к мескаlero.

– Не смешите меня! Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что вы – белый.

– Вы ошибаетесь! Не надо смотреть на цвет моей кожи, лучше обратите внимание на мое имя. Меня зовут Клеки-Петра.

На языке апачей, которого я в то время еще не знал, имя означало Белый Отец. Рэтлер, похоже, слышал его раньше; он отступил на шаг и не без иронии заметил:

– А-а, Клеки-Петра, знаменитый учитель апачей! Жаль, что только горбатый. Наверное, нелегко вам было добиться, чтобы вас не высмеивали малолетние красномазые идиоты!

– Пустяки, сэр! К насмешкам детей я привык, а от благоразумных людей их не услышишь. Теперь, когда я узнал, кто вы и чем здесь занимаетесь, я могу рассказать о своих спутниках. Впрочем, лучше я представлю их вам...

Клеки-Петра повернулся и крикнул в сторону леса какое-то непонятное слово по-индейски – и из чащи вышли два интересных, преисполненных собственного достоинства человека, которые направились прямо к нам. Это были индейцы; при первом же взгляде сомневаться не приходилось: отец и сын.

Старший был ростом чуть выше среднего, но весьма крепкого сложения. Во всей его осанке сквозило истинное благородство, а движения выдавали чрезвычайную ловкость. Черты его лица, хотя и типичные для индейца, не были столь резки и угловаты, как у большинства краснокожих. В его глазах читалось спокойствие, выражающее внутреннюю сосредоточенность, которая, очевидно, давала ему превосходство над соплеменниками. Шляпы он не носил, а из его темных волос, собранных на голове в шлемообразный пучок, торчало орлиное перо – знак отличия индейских вождей. Простая и чрезвычайно прочная одежда краснокожего состояла из кожаной охотничьей куртки, обшитых бахромой леггин и мокасин. Из-за пояса торчал нож, а кроме того, на нем висело несколько мешочков со всякими мелочами, столь необходимыми каждому вестмену. Еще один мешочек – с лечебными травами – вместе с трубкой мира из священной глины и разными амулетами болтался на шее. В руке краснокожий сжимал двустволку, приклад которой был искусно обит серебряными гвоздями. Этому оружию, прозванному Серебряным ружьем, суждено будет обрести громкую славу благодаря подвигам Виннету – сына его прежнего владельца.

Одежда молодого воина была такой же, как и у его отца, но выглядела более изысканно. Его мокасины украшала щетина дикобраза, а швы на штанах и куртке были тонко отделаны красными нитями. На шее, как и отец, он носил мешочек с травами и трубку. Вооружение его состояло из ножа и двустволки. Только черные волосы сына не украшало перо, они были настолько длинные, что спадали на плечи густой волной. Таким прекрасным иссиня-черным волосам, без сомнения, позавидовала бы любая дама. В выражении его матово-коричневого лица с бронзовым отливом светилось еще большее благородство, нежели у отца. Как я впоследствии узнал, мы с ним были ровесниками, и при первой же встрече он произвел на меня глубокое впечатление. Я сразу почувствовал в нем хорошего, богато одаренного природой человека. Мы долго и внимательно рассматривали друг друга, причем мне показалось, что в его серьезных темных бархатистых с блеском глазах на какой-то миг вспыхнул приветливый луч, подобный сиянию солнца, внезапно выглянувшему из-за облаков.

– Это мои друзья и спутники, – произнес Клеки-Петра, указывая сначала на отца, затем на сына. – Инчу-Чуна – Доброе Солнце – великий вождь мескалери, которого признают все остальные ветви апачей. А это – его сын Виннету²⁴, совершивший, несмотря на свою молодость, больше смелых подвигов, чем иные десять воинов смогут совершить за всю жизнь! Его имя скоро прогремит над Скалистыми горами и близлежащими саваннами.

Я сразу подумал, что Клеки-Петра переборщил с титулами, но впоследствии убедился, что он несколько не преувеличивал. Однако Рэтлер с насмешкой воскликнул:

---

²⁴ В книгах Карла Мая нет толкования имени Виннету, однако в одном из интервью писатель уверял, что Виннету означает Пылающая Вода.

– Такой юнец – и уже так знаменит! Самое большее, что он действительно совершил, могло быть лишь кражей или мошенничеством. Кто не знает, что все краснокожие – воры и грабители?

Это было тяжкое оскорбление, но пришельцы сделали вид, что не расслышали. Они молча подошли к медведю, и Клеки-Петра, присев на корточки, принялся внимательно его рассматривать.

– Смерть ему принесла не пуля, а нож, – с уверенностью сказал он, обращаясь ко мне.

Вероятно, Белый Отец слышал наш спор с Рэтлером и хотел со своей стороны подтвердить, что я прав.

– Это мы еще выясним, – пробурчал Рэтлер. – Что вообще понимает этот горбатый наставник школяров в охоте на медведя! Когда стянем с гризли шкуру, узнаем, какая из ран оказалась смертельной. Я не собираюсь уступать свое право на добычу какому-то гринхорну!

В это время Виннету тоже наклонился к медведю, прикоснулся к его ранам и спросил у меня на хорошем английском:

– Кто из вас отважился напасть на медведя с ножом в руках?

– Я, – пришлось признаться мне.

– Почему мой юный бледнолицый брат не стрелял в него?

– Потому, что у меня не было ружья.

– Здесь же лежат ружья!

– Они не мои. Их владельцы бросили их, а сами влезли на деревья.

– Когда мы шли по следу медведя, до нас доносились вопли страха. Где это кричали?

– Здесь.

– Уфф! Только белки да скунсы спасаются от врага на деревьях. Мужчина должен сражаться, он должен побороть сильнейшего зверя. Если мой бледнолицый брат так смел, почему его называют гринхорном?

– Потому что я впервые попал на Дикий Запад и здесь совсем недавно.

– Бледнолицые – очень странные люди! Юного воина, который с одним ножом выходит на гризли, они называют гринхорном. Те, кто со страху лезет на деревья и воеет там от ужаса, зовут себя brave men. Красные люди более справедливы. Трус никогда не прослывет храбрецом, а храбрец – трусом!

– Мой сын говорит верно, – произнес старший индеец на менее правильном английском. – Этот смелый бледнолицый юноша больше не гринхорн! Если он убил гризли для того, чтобы спасти жизнь трусам, он вправе ожидать от них не брани, а благодарности. Хуг! А теперь уйдем отсюда и посмотрим, зачем бледнолицые пришли сюда.

Какая огромная разница была между моими белыми спутниками и презираемыми ими индейцами! Чувство справедливости побудило краснокожих без всякой для них нужды высказаться в мою пользу. Причем ничего, кроме неприятностей, их не ожидало. Индейцев было только трое, а сколько нас, они вообще не знали. Сразу превращая вестменов в своих врагов, они подвергали себя серьезной опасности. Об этом они, казалось, не думали. Медленно и гордо прошли они мимо нас и направились в долину. Мы последовали за ними.

Неожиданно, заметив вешки, Инчу-Чуна остановился. Он обернулся ко мне и спросил:

– Что здесь делается? Разве бледнолицые собираются мерить эту землю?

– Да.

– Зачем?

– Будем строить дорогу для Огненного Коня.

Глаза вождя гневно вспыхнули, и он торопливо спросил меня:

– Ты тоже с этими людьми?

– Да.

– И ты измерял землю вместе с ними?

- Да!
- Тебе платят за это?
- Разумеется.

Окинув меня пренебрежительным взглядом, Инчу-Чуна с презрением обратился к Клеки-Петре:

– Твое учение очень хорошее, но не всегда верное. Сегодня нам наконец встретился смелый бледнолицый с честным открытым взглядом, но и он, оказывается, пришел грабить нашу землю. Лица белых могут быть добрыми или злыми, но внутри все они одинаковы!

Должен признаться, что в ответ сказать было нечего – мне вдруг стало неловко. Вождь был прав. Мог ли я гордиться своей профессией в сложившихся обстоятельствах?

Главный инженер с тремя геодезистами все это время прятался в палатке, к которой мы между тем подошли. Через узкое отверстие входа они со страхом высматривали медведя. Увидев нас, они отважились покинуть убежище, немало удивленные, а может быть, и испуганные присутствием незнакомых индейцев. Конечно, первый их вопрос касался того, как удалось нам справиться с медведем. На что Рэтлер тотчас же рявкнул:

– Мы его подстрелили! К обеду нас ждут медвежьи лапы, а на ужин – окорок.

Краснокожие вопросительно взглянули на меня. Я понял, что обязан говорить, и сказал:

– Гризли заколот мной. Перед вами три знатока дела, признавшие мою правоту. Но это обстоятельство не должно решать спора. Пусть Хокенс, Стоун и Паркер, когда вернутся, выскажут свое мнение, оно и будет для нас решающим. До того момента медведь останется нетронутым.

– К черту эту троицу! Их мнение меня не интересует! – пробормотал Рэтлер. – Я сейчас же отправлюсь со своими людьми за медвежатиной и всякому, кто рискнет помешать нам, пушу полдюжины пуль в лоб!

– Не надо трепать языком, мистер Рэтлер! Ваши пули не наведут того ужаса, который испытали вы, прячась от медведя. Я ничего не имею против того, чтобы вы отправились в лес, но надеюсь, вы это сделаете ради вашего несчастного товарища, которого следовало бы предать земле.

– Разве кто-то погиб? – озабоченно спросил Банкрофт.

– Медведь порвал Роллинса, – кивнул Рэтлер, отводя взгляд в сторону. – Этот бедняга погиб по глупости другого, а то бы тоже спасся.

– По чьей глупости?

– Он, как и мы, вскарабкался было на дерево, но в этот самый момент является этот глупый гринхорн. Он-то и начал дразнить гризли! Тот, понятно, рассвирепел, бросился на Роллинса и растерзал его!

На этот раз в своей низости Рэтлер зашел слишком далеко – от удивления я просто не находил слов. Представить дело в таком виде, да еще в моем присутствии...

– Вы в этом искренне убеждены, мистер Рэтлер? – Я взглянул лжецу прямо в глаза.

– Да! – резко ответил тот и вытащил свой револьвер, ожидая выпада с моей стороны.

– Ну ладно. Я утверждаю, что медведь вцепился в Роллинса еще до моего прихода.

– Врете!

– Хорошо! Тогда вы сейчас узнаете правду!

С этими словами я левой рукой вырвал у него револьвер, а правой хватил по физиономии так, что наглец отлетел в сторону шагов на восемь. Вскочив на ноги, он выхватил нож и бросился на меня, рыча, словно разъяренный зверь.левой рукой мне удалось отвести удар, после чего правым кулаком я нанес ему такой удар, от которого он без сознания рухнул в траву.

– Уфф! – вырвалось из груди Инчу-Чуны, забывшего от удивления об обязательной для индейцев сдержанности. Уже в следующий момент было видно, что он пожалел об этом.

– Снова Шеттерхэнд! – не сдержался землемер Уилер.

Я не обратил внимания на его слова, готовясь отразить нападение дружков Рэтлера, из которых никто почему-то так и не решился приблизиться ко мне, хотя злоба, похоже, раздирала их на части. Отваги у этих трусов хватило лишь на то, чтобы вполголоса посылать мне проклятья.

– Мистер Банкрофт, – потребовал я, – хоть раз призовите Рэтлера к порядку! Он все время ищет со мной ссоры. Добром это не кончится. Увольте его наконец, иначе уйду я.

– Сэр, неужели все так серьезно?

– Вполне! Вот его нож и револьвер, не отдавайте ему, пока не успокоится, иначе я буду защищаться и просто пристрелю его. Можете называть меня гринхорном, но безжалостный закон прерии мне известен: того, кто угрожает ножом или револьвером, убивают на месте без суда и следствия.

Я имел в виду не только Рэтлера, но и остальных его дружков-вестменов. Разумеется, они все поняли, но промолчали.

Неожиданно к главному инженеру обратился Инчу-Чуна:

– Мое ухо слышало, что ты имеешь право приказывать всем окружающим нас бледнолицым. Это так?

– Да, – кивнул тот.

– Тогда мне нужно поговорить с тобой.

– О чем?

– Сейчас услышишь! По индейскому обычаю совещаются сидя.

– Может, ты станешь нашим гостем?

– Нет, это невозможно. Я не могу быть гостем на своей земле! Пусть белые люди сядут! Кто эти бледнолицые, которые идут сюда?

– Это тоже наши.

– Тогда пусть и они сядут вместе с нами!

Речь шла о Сэме, Дике и Уилле, вернувшихся из поездки. Будучи опытными вестменами, они несколько не удивились присутствию индейцев, но проявили беспокойство, когда узнали, что это апачи.

– Кто третий? – спросил меня Сэм.

– Клеки-Петра. Рэтлер назвал его учителем.

– Клеки-Петра, учитель? Я слышал о нем, если не ошибаюсь. Таинственная фигура. Белый, но давно живет среди апачей. Он вроде миссионера, хотя и не священник. Впрочем, рад его видеть. Прощупаем его немного!

– Если позволит.

– Не укусит же он меня! Эй, да тут, похоже, еще что-то произошло!

– Кое-что.

– Выкладывайте!

– Пришлось сделать то, от чего вы меня вчера предостерегали.

– Не понимаю, о чем вы. Я вас о многом предупреждал.

– Гризли.

– Что? Вы повстречали серого косолапого?

– Да еще какого! Там, внизу, за кустами, в лесу. Он притащил туда тушу старого бизона.

– Это правда? Черт возьми! И надо же было этому случиться как раз тогда, когда никого из моих не было в лагере! Жертвы есть?

– Да, Роллинс.

– А вы? Что делали вы? Держались подальше?

– Угу.

– Это правильно! Хотя что-то не верится.

– Можете поверить. Я держался от него ровно на таком удалении, на котором он ничего не мог со мной сделать, но достаточном для того, чтобы всадить ему нож меж ребер.

– Вы в своем уме? Напали на него с одним ножом?

– Хм, ружья-то у меня не было.

– Что за малый! Поистине неразумный гринхорн! Таскает с собой тяжелое ружье для охоты на медведя, а, когда тот появляется, убивает его ножом. Ну и дела! Как это произошло?

– Так, как я говорю. Только вот Рэтлер утверждает, будто бы не я уложил гризли, а он.

Далее я вкратце рассказал Сэму о происшедшем, а также о новой размолвке с Рэтлером.

– Молодой человек, вы слишком легкомысленны! – заключил он. – Никогда раньше не видя серого медведя, вы при первой же встрече кидаетесь на него, будто речь идет о каком-нибудь дряхлом пуделе! Во что бы то ни стало я должен сейчас же взглянуть на хищника. Дик, Уилл, пошли! Вам тоже не мешает посмотреть, каких глупостей опять наделал этот гринхорн!

В этот момент очнулся Рэтлер, и Сэм бросил ему:

– Послушайте, мистер, я вас уже предупреждал, но вы снова ссоритесь с моим юным другом. Если вы снова на это решитесь еще хоть раз, он станет для вас последним. Запомните: мое терпение кончилось!

Сказав это, Сэм торжественно удалился вместе с друзьями. Лицо Рэтлера исказилось яростью, он с ненавистью взглянул на меня, но промолчал, хотя готов был взорваться, как мина, в любую секунду.

Между тем оба индейца и Клеки-Петра сели на траву. Главный инженер устроился напротив, но предполагаемую беседу отложили до возвращения Сэма, чтобы узнать и его мнение. Тот вскоре вернулся, закричав еще издали:

– Какая глупость сначала стрелять в гризли, а потом бежать от него. Если не собираешься вступать с ним в схватку, оставь его в покое! Тогда медведь тебя не тронет. А Роллинс выглядит ужасно! Кто все-таки прикончил медведя?

– Я, – поспешил отозваться Рэтлер.

– Вы? Чем же?

– Пулей.

– Верно! Медведь убит пулей.

– Значит, он принадлежит мне! Вы слышите, люди? Сэм Хокенс высказался в мою пользу! – с торжеством воскликнул Рэтлер.

– Не торопитесь! Ваша пуля пролетела мимо его башки и оторвала ему кончик уха. От этого медведь, конечно, сразу околел! Остальные, похоже, со страху вообще промазали, только одна пуля задела ухо. Есть там еще четыре удара ножом. Два из них – прямо в сердце, два – рядом. Кто это сделал, мне известно. – Сэм повернулся ко мне. – Медведь ваш. Это значит, что шкура по праву принадлежит вам, а мясо – мы ведь тут все товарищи! – разделим на всех. Только делить его будете вы сами. Таков обычай на Диком Западе. Что скажете, мистер Рэтлер?

– Катитесь вы к дьяволу!

Грубый Рэтлер изрыгнул еще несколько яростных проклятий, затем направился к бочонку с бренди. Я видел, как он нацедил себе кружку «огненной воды», и не сомневался, что он будет пить до тех пор, пока не свалится с ног.

Итак, вопрос уладили, и Банкрофт предложил вождю апачей высказать просьбу.

– Я обращаюсь к бледнолицым не с просьбой, а с требованием! – гордо ответил Инчу-Чуна.

– Нам никто не указчик! – не менее гордо возразил ему главный инженер.

По лицу вождя скользнула досада, но он сдержался и спокойно сказал:

– Пусть мой бледнолицый брат ответит на несколько вопросов, но говорить он должен только правду! Есть ли у него дом там, где он живет?

– Да.

– А рядом с домом сад?

– Есть и сад.

– Если бы сосед захотел провести дорогу через этот сад, то белый брат позволил бы это?

– Нет.

– Земли, что раскинулись по ту сторону Скалистых гор и на восток от Миссисипи, принадлежат бледнолицым. Что сказали бы они, если бы туда пришли индейцы и захотели бы построить железную тропу?

– Они прогнали бы их.

– Мой брат сказал правду. Но бледнолицые пришли сюда, в прерию, которая принадлежит нам. Они ловят наших мустангов и убивают бизонов. Они ищут золото и драгоценные камни. К тому же они хотят построить длинную дорогу, по которой побежит большой Огненный Конь. По ней к нам будут приезжать все больше и больше бледнолицых. Они нападут на нас и отнимут то небольшое, что у нас осталось. Чем ответим мы?

Банкрофт молчал.

– Разве мы имеем меньше прав на эту землю, чем вы? Разве она не вся принадлежит краснокожим? У нас многое отняли, а что мы получили взамен? Нищету и горе! Вы гоните нас все дальше, скоро нам нечем станет дышать! Зачем вы это делаете? Вам не хватает места? Нет, всему виной ваша жадность – в ваших странах достаточно земли для многих людей. Но каждый из вас хочет владеть целой страной, а краснокожий, который здесь родился, не имеет права на жизнь! Мы отступали и поселились здесь в надежде получить передышку. Но вы опять преследуете нас и готовы провести железную тропу. По нашим законам мы должны всех вас убить. Но мы желаем всего лишь, чтобы ваш закон применялся и к нам. Но ваш закон двулик, и вы обращаете его к нам той стороной, которая для вас выгоднее. Ты собираешься строить здесь дорогу? А у нас ты спросил?

– Нет. Ваше разрешение мне не нужно.

– Почему? Разве земля твоя? Она принадлежит нам. Или ты ее купил? А может, мы ее тебе подарили?

– Мне – нет.

– Другим – тоже нет. Если ты честный человек и тебя послали сюда строить дорогу для Огненного Коня, ты должен был спросить пославшего тебя, имел ли он на это право. Ты этого не сделал! Я запрещаю вам дальше мерить нашу землю!

Последние слова Инчу-Чуна произнес почти в гневе. Его речь, исполненная суровой решимости, меня потрясла. Много книжек прочитал я об индейцах, но везде они изображались совсем другими. Инчу-Чуна говорил по-английски, доводы и логика его речи свидетельствовали о ясном уме. Может, это заслуга Белого Отца – Клеки-Петры?

Банкрофт оказался в весьма затруднительном положении. Будь главный инженер честным человеком, он признал бы справедливость обвинений вождя. Но мистер Банкрофт таковым не являлся, а потому принялся выкручиваться, пытаясь оправдать наше присутствие. Когда вождь апачей легко разбил его слабые аргументы своей железной логикой, главный инженер в раздражении обратился ко мне:

– Сэр, вы слышите, о чем идет речь? Скажите же свое веское слово.

– Спасибо, мистер Банкрофт, но я геодезист, а не адвокат. Мне приказано делать измерения, а не произносить речи.

Инчу-Чуна решительно отрезал:

– Не надо лишних слов! Я сказал, что больше вас здесь не потерплю. Вы сегодня же должны убраться туда, откуда пришли. Мы с моим сыном Виннету сейчас уйдем и вернемся по истечении времени, которое бледнолицые называют часом. И тогда вы дадите мне ответ. Если вы решите уйти – мы останемся братьями; если нет – апачи поднимут томагавк войны! Мое имя Инчу-Чуна, я – вождь всех апачей. Я все сказал. Хуг!

Инчу-Чуна встал, Виннету последовал его примеру. Они медленно удалились, спустившись в долину, и скоро скрылись за поворотом.

Клеки-Петра остался. Инженер обратился к нему за советом, что делать дальше, на что старик ответил:

– Поступайте как знаете, сэр! Я согласен с вождем. Краснокожих жестоко и целенаправленно уничтожают. Но я белый и понимаю, что сопротивление бесполезно. Даже если вы сегодня уйдете отсюда, завтра придут другие и завершат ваше дело. Но хочу предостеречь вас: Инчу-Чуна не шутит!

– А куда он пошел?

– За нашими лошадьми.

– А вы верхом?

– Разумеется. Мы спрятали их, когда преследовали медведя, ведь на гризли верхом не охотятся.

Тут он поднялся, дав понять, что дальнейший спор бесполезен, и хотел было уйти. Я последовал за ним и спросил:

– Сэр, можно мне пойти с вами? Обещаю вам ничего не спрашивать и не делать того, что может вызвать ваше недовольство. Меня просто очень заинтересовали вождь и его сын!

О том, что и он сам меня заинтересовал не меньше, я промолчал.

– Идемте, если хотите, – ответил он. – Я давно покинул белых и не желаю больше ничего знать о них, но вы мне нравитесь. Похоже, вы самый благоразумный из всей этой компании. Я не ошибся?

– Я самый младший здесь и не имею той деловой хватки, что есть у остальных.

– Не имеете хватки? Но ведь каждый американец в той или иной степени обладает этим качеством!

– Я не американец.

– А кто же вы, если мой вопрос не покажется вам нескромным?

– У меня нет оснований умалчивать о своем отечестве, которое я очень трепетно люблю. Я – немец.

– Немец? – Он неожиданно резко поднял голову. – Тогда приветствую земляка! Теперь я понял, что притягивало меня к вам! Мы, немцы, народ особенный. Наши сердца всегда чувствуют друг друга, прежде чем мы заговорим. Итак, перед вами немец, ставший апачем. Вам не кажется это странным?

– Нет. Пути Господа неисповедимы.

– Пути Господа?! Почему вы говорите о Боге, а не о Провидении, судьбе или роке, наконец?

– Потому что я христианин и никогда не отступлюсь от веры.

– Тогда вы счастливый человек. Да, вы правы: пути Господа часто неисповедимы. Величайшие чудеса являются следствием естественных законов, а самые обычные явления природы – поистине великие чудеса. Простой немец – правда, образованный и ставший ученым, – а теперь вдруг самый настоящий апач... Это невероятно, но путь, что привел меня к этой цели, вполне естествен.

Если поначалу он держался со мной довольно сдержанно, то теперь, казалось, был рад возможности высказаться. Очень скоро я понял, что имею дело с человеком необыкновенным, который, правда, весьма неохотно рассказывал о себе. В ответ на мой вопрос о его прошлом он стал расспрашивать о моей жизни. Я начал рассказывать довольно подробно, что, похоже, пришлось ему по душе.

Не уходя далеко от лагеря, мы расположились под раскидистым деревом. Я получил возможность спокойно рассмотреть его лицо, на котором долгая жизнь оставила глубокие следы нужды, лишений и потерь. Можно лишь догадаться, сколь часто его глаза выражали гнев или

даже отчаяние. Сейчас они были ясны и спокойны, словно ровная гладь лесного озера, нетронутая порывом легкого ветерка. Когда он услышал обо мне все, что ему было нужно, он слегка кивнул и неожиданно произнес:

– Вы только начинаете борьбу, которую я вел всю свою жизнь. Но для вас она всего лишь внешнее проявление, не внутреннее. С вами Бог, Всевышний, который никогда вас не оставит. У меня было по-другому. Я потерял Бога, когда покинул родину и променял богатства искренней веры на самое худшее, что есть в человеке, – нечистую совесть...

Тут он смерил меня испытующим взглядом и, убедившись в моем спокойствии, продолжил:

– Вас это не ужасает?

– Нет.

– Но ведь нечистая совесть...

– Чепуха! Вы не вор и не убийца. На низкие дела вы не способны.

Он пожал мне руку, но заметил:

– Благодарю вас от всего сердца, но вы ошибаетесь. Я был вором, в руках которого побывало немало дорогих вещей. Я был убийцей, загубившим жизни многих людей. Когда-то я преподавал в одной из школ, в какой – не важно. Я страшно гордился своим вольнодумством и стремился доказать, что вера в Бога не имеет никакого смысла. Я умел неплохо говорить и мог увлечь речами своих слушателей. Да, худое споро, не сорвешь скоро – я стал тем самым типом, что убивал в них веру во Всевышнего. Тут еще пришло время революции. Я открыто выступил вождем недовольных. Они ловили каждое оброненное мной слово – этот дурманящий яд, который я сам принимал тогда за целебнейшее лекарство. Они собирались в толпы и хватались за оружие. Сколько их погибло в борьбе! А я стал их убийцей! И не только их одних. Еще и тех, кто умер позже в тюрьме. Естественно, за мной охотились, но мне удалось уйти. Без особой грусти покинул я свое отечество. Ни одна живая душа не плакала по мне, никого из родных у меня тогда уже не осталось – только враги! Но я не думал об этом до тех пор, пока не произошло нечто, едва не выбившее меня из седла жизни навсегда. В тот день, когда я уже почти достиг спасительной границы, полиция напала на мой след. Я прорывался через одну бедную фабричную деревню. Волей случая я оказался в каком-то маленьком дворике и доверился пожилой хозяйке и ее дочери. Имени своего я не назвал, но они спрятали меня в подвале, посчитав сподвижником своих мужей, участвующих в революции. Пока мы вместе сидели в темном углу, они поведали о постигшем их горе. Жили они хотя и бедно, но честно. Дочь вышла замуж где-то за год до нашей встречи. Ее молодой муж, воодушевленный моими речами, увлекся идеями свободы и нигилизма. На одно из собраний он взял с собой тестя. На того яд тоже сильно подействовал. Получалось, что именно я лишил счастья этих четырех добрых людей. Молодой человек погиб, и вряд ли это произошло на поле праведной брани. А его тестя бросили в тюрьму. Все это рассказали мне несчастные женщины, сами того не ведая, спасавшие виновника их бед. Я точно знаю, что речь шла обо мне, потому что они даже назвали мое имя – мужья рассказали в свое время. Но они даже предположить не могли, что виновник их бед сидел рядом с ними. Для меня это было как удар молота, буквально расколовший мою душу. Бог долго ждет, да больно бьет... В Америке мне удалось сохранить свободу, но внутри меня раздирали муки, на которые меня не смог бы обречь ни один мирской судья. Я скитался из одного штата в другой, но нигде не находил покоя. Совесть мучила меня просто невыносимо! Сколько раз я был близок к самоубийству, но почему-то всегда невидимая Божья длань отводила меня от последнего шага. Она привела меня, после стольких лет страданий и скитаний, в Канзас к одному немецкому пастырю, который разгадал состояние моей души и по-настоящему излечил ее. Твердая вера и указание нового пути стали для меня поистине настоящим счастьем. Благодарю тебя за это, Господь!

Он замолчал, сложил руки и поднял глаза к небу. Долго он всматривался куда-то ввысь, потом произнес:

– Чтобы найти опору в душе и снова обрести себя внутренне, я скрылся от мира. Но не только вера, несущая спасение и благо, гнала меня в глушь. Древo веры должно плодоносить, а растить его – во власти Господа. Я снова жаждал действовать, но теперь совершенно по-иному, не так, как прежде. Когда здесь я увидел красного человека, отчаянно сопротивлявшегося неминуемой гибели, и безжалостных убийц, облепивших его тело, словно алчные мухи, мое сердце едва не вырвалось из груди, переполненное гневом, состраданием и жалостью. Судьба краснокожих была решена, но я не мог их спасти. Однако же в моих силах было облегчить им предсмертные муки светом любви и примирения. Я сам пришел к апачам и сумел донести им свои мысли с учетом их индивидуальности. В конце концов мне удалось добиться их полного доверия. Как бы я хотел, чтобы вы поближе узнали Виннету! Он, собственно говоря, мое творение. Этот юноша создан для великих дел. Будь он сыном европейского монарха, он стал бы великим полководцем или еще более великим «князем мира». Будучи наследником индейского вождя, он погибнет, как и вся его раса. Если бы я только мог увидеть день, когда он назовет себя христианином! Увижу или нет, но во всех искушениях, опасностях и трудностях буду вместе с ним до последнего моего вздоха. Он – мое духовное детище. Я люблю его больше самого себя, и, если вдруг посланная врагами роковая пуля пробьет вместо его мое сердце, я с радостью приму эту смерть, посчитав ее окончательным искуплением моих прежних грехов.

Тут он замолчал и опустил голову. Я был глубоко тронут, но ничего не сказал, потому что чувствовал, что после такого признания любая нота прозвучала бы фальшиво. Я просто взял его за руку. Легким кивком он дал мне понять, что понял мой жест. Выждав некоторую паузу, он тихо спросил:

– Хм, как же так получилось, что я рассказал это вам? Я вижу вас сегодня первый раз и, вероятно, больше никогда не увижу. А может, наша встреча здесь и сейчас – это Божественное провидение? Видите ли, когда-то я отрекся от Бога, а теперь делаю все, чтобы вернуться к нему. У меня на сердце большая печаль, но эта печаль не имеет ничего общего с сердечной болью. Похожее чувство обычно приходит с началом осени, когда опадает листва. Уж не падает ли она с древа моей жизни? А может, треснуло и само дерево... раньше времени, отпущенного природой...

Невольно его взгляд упал на долину, когда в ней снова появились фигуры Инчу-Чуны и Виннету. Оба были верхом, ведя в поводу лошадь Клеки-Петры. Мы поднялись, чтобы вернуться в лагерь, куда и прибыли почти одновременно с всадниками.

Первый, кого мы увидели, был облокотившийся о борт фургона Рэтлер с огненно-красным распухшим лицом и вытаращенными глазами. Этот потерявший человеческий облик субъект успел за короткое время нашего отсутствия проглотить столько виски, что просто не мог уже больше пить. В его взгляде читалась ярость дикого быка, готовящегося к нападению. Я решил не спускать с него глаз.

Вождь апачей и Виннету спешили, после чего направились прямо к нам. Мы стояли, образуя довольно широкий круг.

– Итак, что решили мои бледнолицые братья: оставаться им здесь или уйти? – первым спросил Инчу-Чуна.

Банкрофт, очевидно что-то замыслив, ответил:

– Даже если бы нам хотелось уйти, нам придется остаться. Мы не можем ослушаться данных нам приказаний. Сегодня же пошлю гонца в Санта-Фе с запросом. После его возвращения я смогу дать тебе ответ.

Выдумка и вправду оказалась хитрой, поскольку мы должны были закончить работу еще до возвращения гонца. Но вождь решительно возразил:

– Я не стану ждать так долго. Мои бледнолицые братья должны прямо сейчас сказать, что они будут делать.

В этот момент, как всегда некстати, явился Рэтлер с кружкой, полной бренди. Я решил было, что он снова в качестве жертвы наметил меня, но он двинулся напрямиком к краснокожим и заплетающимся языком пробормотал:

– Если индсмены выпьют со мной, мы исполним их желание и уйдем. И только так! Начнем с молодого! Эй, Виннету, вот «огненная вода»!

Белый решительно протянул кружку сыну вождя. Тот спокойно отступил на шаг, сделав отстраняющий жест рукой.

– Что? Не хочешь пить со мной? Это уже оскорбление! Тогда я разолью виски по всей твоей физиономии, проклятый краснокожий! Слизывай его, если не хочешь пить!

Прежде чем кто-либо успел помешать ему, Рэтлер выплеснул содержимое кружки молодому апачу прямо в лицо. По индейским понятиям подобное оскорбление каралось смертью. Виннету, не раздумывая, нанес мерзавцу такой удар кулаком в подбородок, что тот буквально пропахал землю своим затылком. Несколько секунд он лежал без движений. Затем, приложив немалые усилия, медленно поднялся. Я уже хотел было вмешаться, поскольку ожидал, что он в ярости бросится в атаку, но этого не произошло. Осыпая апачей страшными проклятиями, Рэтлер, пошатываясь, направился к фургону.

Виннету спокойно вытер свое лицо, которое в тот момент показалось мне высеченным из камня. Что происходило в его душе, узнать было невозможно.

– Спрашиваю еще раз, – снова обратился к нам вождь, – в последний! Покинут ли сегодня бледнолицые эту долину?

– Мы не сможем этого сделать, – прозвучало в ответ.

– Тогда мы покидаем ее. Но между нами не будет мира.

Я совершил очередную попытку посредничества, но тщетно – трое пришельцев направились к своим лошадям. И вдруг в этот момент раздался пьяный голос Рэтлера:

– Убирайтесь, краснокожие собаки! А за удар в лицо ты мне ответишь, молокосос!

В десять раз быстрее, чем можно было ожидать от него в таком состоянии, Рэтлер выхватил из находившейся рядом с ним повозки ружье. Вскинув оружие, он прицелился в Виннету. Последний стоял без всякого прикрытия, и пуля неминуемо должна была попасть в него.

– Беги, Виннету! Скорее! – раздался голос Клеки-Петры.

В тот же миг, когда раздался выстрел, его тело мелькнуло перед сыном вождя. Белый Учитель схватился рукой за грудь, пошатнулся несколько раз и тяжело опустился на землю. Тут же свалился и Рэтлер – только уже от моего удара. Я бросился к бандиту за секунду до выстрела, но опоздал. Вокруг все закричали, но оба апача не проронили ни слова. Стоя на коленях перед пожертвовавшим собой другом, они молча осматривали рану. Она была возле самого сердца, кровь из нее струилась ручьями.

Я подскочил к ним. Лицо Клеки-Петры стало бледным, его глаза были закрыты.

– Подними его голову к себе на колени, – предложил я Виннету. – Ему будет легче умирать, если он увидит тебя.

Молодой индеец молча повиновался. Ни один мускул не дрогнул на его лице, пока он не спускал глаз с умирающего. Наконец раненый медленно поднял веки. Когда старик увидел склонившегося над ним Виннету, на его лице мелькнула улыбка. Он прошептал:

– Виннету, сын мой...

Угасающий взор стал искать кого-то и вдруг остановился на мне.

– Останьтесь с ним, чтобы... чтобы продолжить мое дело... – угасающим голосом прошептал Клеки-Петра по-немецки.

Он умоляюще поднял руку, я сжал ее и ответил:

– Я исполню вашу волю!

Тут его лицо приняло какое-то почти неземное выражение.

– Господь, прости меня... Я ухожу... – зашептал старик.

Из его раны вновь заструилась кровь. В этот момент голова Клеки-Петры безжизненно откинулась назад. Сомнений не было: Белый Учитель скончался.

Сын Инчу-Чуны осторожно опустил голову умершего на траву, затем медленно поднялся и вопросительно посмотрел на отца.

– Там лежит убийца, – кивнул я в сторону поверженного Рэтлера. – Делайте с ним, что хотите.

– Огненная вода! – таков был краткий, но суровый и презрительный ответ вождя.

– Я хочу быть вашим другом и братом! – сорвалось вдруг у меня с языка. – Я хочу пойти с вами!

На это разгневанный вождь плюнул мне в лицо и произнес:

– Паршивый пес! Ты ворует чужую землю, и за это тебе платят! Смердящий койот! Только посмей следовать за нами, и моя рука убьет тебя!

Если бы это сказал кто-нибудь другой, я бы ответил кулаком. Почему я этого не сделал? А разве я не заслужил такое наказание, вторгнувшись в чужие владения? Поддавшись инстинкту самосохранения, я не мог исполнить волю умершего.

Белые молча обступили апачей, очевидно ожидая, что же будет дальше. Но краснокожие не удостоили никого из нас ни единым взглядом. Они молча подняли покойника на лошадь и крепко привязали его к седлу. Затем вскочили на своих мустангов и медленно двинулись вперед, поддерживая тело своего Учителя с обеих сторон. Больше мы не услышали ни одной угрозы, ни одного слова о мести – апачи даже не посмотрели в нашу сторону. Было ясно, что теперь все наши шансы на выживание практически равнялись нулю.

– Это было ужасно, но может стать еще страшнее! – первым нарушил молчание Сэм Хокенс. – Вот лежит мерзавец, оглушенный вашим ударом и ополоумевший от спирта. Что с таким делать?

Вопрос относился ко мне, но я промолчал. Оседлав своего чалого, я погнал его прочь. Мне нужно было побыть одному, чтобы попытаться забыть эти кошмарные полчаса.

В лагерь я вернулся затемно, смертельно усталый и полностью разбитый.

Глава третья

Виннету в плену

Чтобы не тащить далеко тушу медведя, лагерь в мое отсутствие перенесли ближе к месту, где я уложил хищника. Последний был так тяжел, что десять сильных мужчин с трудом доволокли его из кустов к огню.

Несмотря на поздний час, все бодрствовали, кроме Рэтлера – хмель свалил его наповал. Его оттащили в сторону, так и бросив в траве. Хокенс мастерски содрал с медведя шкуру, однако к мясу не притронулся.

Когда я спрыгнул с коня, стреножил его и подошел к костру, Хокенс спросил:

– Где же вы бродите, сэр? Мы уж заждались! Так хочется отведать медвежатины. Но без вас мы даже не можем располосовать эту тушу! Правда, куртку с него я все же снял. Портной скроил ее очень ладно, ни одной складки! Надеюсь, вы оцените, а? А теперь скажите, как нам разделить мясо? Надо бы поджарить пару кусков, прежде чем спать завалимся.

– Делите по вашему усмотрению, – холодно ответил я, – мясо принадлежит всем.

– Ладно, только хочу вам сказать вот что: самое вкусное – это лапы. На свете нет ничего вкуснее медвежьих лап. Правда, им положено вылежаться кое-какое время, пока в них не заведутся черви, – только тогда они будут что надо! Но так долго ждать мы не можем, ибо, боюсь, апачи испортят весь наш пир. Поэтому давайте-ка прямо сейчас позаботимся о лапах, чтоб к тому моменту, когда нами займутся апачи, мы уже успели ими насладиться. Вы не против, сэр?

– Нет, конечно.

– Ладно, тогда за дело! С аппетитом у нас все в порядке, если не ошибаюсь!

Старый Сэм разделал лапы и разрезал их на куски, выделив каждому по штуке. Мне досталась лучшая часть от одной из передних лап. Я завернул ее и убрал подальше, пока остальные торопились жарить свои порции. Страшный голод разрывал мой желудок, но еще сильнее обуревали меня мысли о сегодняшнем дне. Перед моими глазами продолжала стоять сцена нелепого и ужасного убийства Клеки-Петры. Только что, сидя рядом, я слушал его исповедь, полную предчувствия смерти. И вот она – смерть, казавшаяся такой далекой. Его жизнь оборвала рука пьяного мерзавца, который до сих пор лежит без чувств. Я без сожаления выпустил бы в него несколько пуль, но этот Рэтлер был мне настолько противен, что я даже не мог просто смотреть в его сторону. Уверен, что и апачи не расправились с убийцей на месте только из чувства омерзения. «Огненная вода!» – с какой ненавистью и презрением бросил Инчу-Чуна, выразивший этой фразой и обвинение и упрек.

Единственным, хотя и слабым для меня утешением было то, что Клеки-Петра ушел из жизни, как и хотел, – на руках у Виннету, от пули, предназначенной его любимому воспитаннику. Но почему именно меня просил Клеки-Петра остаться с сыном вождя и продолжить начатое дело? Почему? Всего за несколько минут до кровавого события Клеки-Петре казалось, что мы больше никогда не увидимся и что жизненный путь никогда не приведет меня к апачам, а потом вдруг он потребовал клятву, которая непременно должна связать меня с этим племенем.

Зачем я так быстро дал умирающему свое согласие? Неужели из жалости? Вполне возможно. Но был и другой повод: сам Виннету, который, как никто прежде, произвел на меня огромное впечатление.

Мы были ровесниками, но он во многом превосходил меня – и я это сразу ощутил. Достоинство, гордость, чистота помыслов, спокойная уверенность его движений и манера держаться, а также выражение глубокой сдержанной печали, которое я уловил на его юном и прекрасном лице, – все это потрясло меня. Отец и сын даже не взглянули на убийцу, ни малейшим жестом,

ни единым мускулом не показали, что происходит в их душах. Как жалко выглядим мы по сравнению с ними! С такими мыслями сидел я у костра, совершенно не замечая, как мои спутники уплетали медвежатину. Только громкий голос Сэма Хокенса вернул меня к реальности:

– Эй, что это с вами, сэр? Вы что, не голодны?

– Есть я не буду.

– Вот как! Решили пофилософствовать? Должен вас предупредить – это очень скверная штука. Меня тоже не слишком порадовало сегодняшнее происшествие, но вестмен должен справляться с подобными случаями. Не зря же Дикий Запад величают «краем темным и кровавым». Поверьте, каждая пядь этой земли пропитана кровью, а тот, чей слишком чувствительный нос не выносит ее запаха, пусть сидит дома и попивает сахарную воду. Не принимайте все так близко к сердцу! Скоро сюда заявятся апачи, можете быть уверены. Так что надо успеть как следует подкрепиться. Давайте-ка я лично зажарю для вас кусок медвежьей лапы!

– Благодарю, Сэм, но я правда не могу есть. Вы уже решили, что делать с Рэтлером?

– Да, уже обсуждали этот вопрос.

– И какое будет наказание?

– Наказание? Вы считаете, что его надо наказать?

– Безусловно.

– И как именно? Может, прикажете отвезти его в Сан-Франциско, Нью-Йорк или Вашингтон и предать суду за убийство?

– Чепуха! Мы сами здесь олицетворяем власть, которая должна его судить, руководствуясь законами Запада.

– О-о! Смотрите-ка! Гринхорн знает законы Запада! Может, вы специально прибыли сюда из доброй Германии, чтобы сыграть роль главного судьи? А может, Клеки-Петра – ваш родственник или друг?

– Да нет...

– То-то! У Дикого Запада свои собственные законы: око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, прямо как в Библии, если не ошибаюсь. За смерть здесь карают смертью на месте! А если этого не произошло, то собирают суд присяжных, и те незамедлительно выносят приговор. Именно так здесь учат уму-разуму негодяев, мешающих жить честным охотникам.

– Так давайте созовем такой суд.

– Сначала нужно найти обвинителя.

– Я готов.

– Вы?

– Почему бы и нет? Я не могу оставить такое убийство безнаказанным.

– Тьфу, снова рассуждаете как гринхорн! Обвинителем можно выступать только в двух случаях: во-первых, если убитый был вашим близким родственником или другом, но вы только что сказали, что это не так; во-вторых, если вы сами были бы этим убитым! Похоже, у нас второй случай?

– Сэм, шутки ваши здесь неуместны!

– Ну-ну, согласен! Я хотел лишь уточнить, что убитый имеет неоспоримое право требовать наказания убийцы. У вас такого права нет, так же как и у нас, а там, где нет обвинителя, нет и судьи. Мы не можем судить его!

– Хотите сказать, что Рэтлер не будет наказан?

– Этого я не говорил. Можете не сомневаться: ему отомстят апачи.

– А вместе с ним и нам!

– Весьма вероятно. А вы думаете, что мы избежим расправы, если вздернем Рэтлера? Ошибаетесь. Работали вместе, вместе попадем в плен и вместе погибнем. Не помешавший беззаконию виноват так же, как и тот, кто совершил его. Таков закон апачей.

– А если мы просто избавимся от Рэтлера?

– Это ничего не меняет. Нас просто перестреляют, не спрашивая, с нами он или нет. И как вы хотите избавиться от него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.